

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Войнилов Ю.Л., Чурсина Ю.А.

**Европейская интеграция и национальные
государства: исследование социально-политических
установок россиян**

Москва 2014

Аннотация. Проведена работа по концептуализации понятий границы, национального государства и региональной интеграции. Произведен дескриптивный анализ установок населения по отношению к интеграции в Европейское пространство.

Определены четыре основных кластера населения по внешнеполитическим установкам. 1) «Сторонники интеграции», выступающие за вступление России в Европейский союз. 2) «Равнодушные к интеграции». 3) «Остерегающиеся интеграции» 4) «Противники интеграции».

Результаты работы интересны, во-первых, с теоретической точки зрения, позволяя сформировать базу аналитических конструктов для дальнейшей разработки специфического языка для выбранного направления. Во-вторых, результаты проекта выступают ресурсом для принятия решений в области внешней политики. Выявление внешнеполитических установок населения в отношении интеграции России в Европейское пространство становится ресурсом социально обоснованного принятия решений в сфере международных отношений.

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2013 год.

Оглавление

Введение.....	4
1 Национальное государство и его границы: концептуализация понятий.....	6
1.1 Понятие границы в контексте исследований региональных интеграционных процессов.....	6
1.2 Статус национального государства в условиях региональной интеграции.....	15
2 Ключевые характеристики процесса региональной интеграции: пример Европейского союза.....	24
2.1 Теоретические подходы к понятию «региональная интеграция».....	24
2.2 Исследования европейских интеграционных процессов в фокусе различных теоретических ориентаций.....	31
3 Россия и Европейский союз: внешнеполитические установки россиян в отношении возможности интеграции.....	42
3.1 Осведомленность россиян о Европейском союзе.....	42
3.2 Кластерный анализ внешнеполитических установок россиян.....	48
3.3 Способы интеграции России и ЕС: отношение населения к различным стратегиям внешней политики страны.....	54
Заключение.....	72
Список литературы.....	74

Введение

Европейский Союз (ЕС), как наднациональная организация, был официально образован в 1992 году после подписания Маастрихтского договора. Вместе с тем понятно, что задолго до его подписания сама идея единого сообщества стран Европы уже воплощалась, хоть и под другими наименованиями. При этом изначально в состав ЕС входила лишь незначительная часть всех европейских государств. Однако к настоящему времени их число возросло в несколько раз и за все время существования Европейского Союза ни одно государство не вышло из его состава. Потому можно ожидать, что в дальнейшем количество стран-участниц ЕС не только не будет уменьшаться, но напротив будет возрастать. Некоторые аналитики предполагают, что в ближайшем будущем к 28 странам, уже вошедшим в состав ЕС к 2013 году, будут присоединяться новые государства. Так, еще в 2012 году Сербия получила статус кандидата в члены Европейского Союза и, по мнению ряда экспертов в области международных отношений, в скором времени может пополнить число стран-участниц.

Однако существует и противоположная точка зрения по этому вопросу. В частности, некоторые исследователи полагают, что Хорватия, которая присоединилась к Евросоюзу в этом году, станет последним государством, которое вошло в ЕС. Более того, не исключено, что уже к 2020 году стоит ожидать того, что некоторые страны-участницы захотят выйти из состава Европейского Союза. Из-за чего это может произойти и реальны ли эти опасения? Во-первых, стоит признать, что для выдвижения таких пессимистичных сценариев развития Евросоюза есть ряд объективных предпосылок. В частности, одной из самых значительных и весомых является так называемый институциональный кризис Европейского Союза, связанный с провалом проекта по принятию единой Конституции для всех стран, входящих в ЕС. В 2005 году этот проект не был принят на референдумах во Франции и Нидерландах. В этом же году специалисты в области международных отношений выдвинули термин «усталость от расширения», чтобы объяснить причины той неудачи, которая постигла проект единой Конституции стран Евросоюза.

Информационное агентство «ИТАР-ТАСС» высказало свое мнение по этому поводу. «Тогда он [термин «усталость от расширения»] относился к самому

крупному расширению ЕС - 2004 года, когда в сообщество вступили разом 10 стран Восточной Европы, после чего Евросоюз практически полностью утратил управляемость. Впоследствии этот термин стал звучать все чаще, и последнее расширение сообщества - в 2007 году, когда в ЕС вступили Румыния и Болгария, лишь обострило эту проблему, добавив в повестку дня Евросоюза проблемы с массовой незаконной иммиграцией и последующими депортациями цыган, серию коррупционных скандалов в высших эшелонах власти и случаи неадекватного использования средств из европейских фондов» [Дубровин, 2013].

В связи с этим становится понятно, что стабильность развития Европейского Союза является спорным фактом. Как было сказано выше, далеко не все государства Европы видят необходимость в региональной интеграции. Между тем авторитет такого сильного игрока как ЕС не стоит недооценивать. Даже если к 2020 году он начнет терять своих членов, то в данный момент его влияние на международной арене все еще велико. И все еще есть те европейские страны, которые хотели бы стать членами ЕС.

При этом возникает вопрос каково отношение россиян к возможности интеграции в Европейский Союз. Наши рассуждения дают понять, что выгоды от такого шага далеко не очевидны. Кроме того, существуют определенные культурные барьеры, препятствующие беспрепятственному процессу интеграции России в европейское пространство. Однако с другой стороны нельзя не признать, что многие особенности экономического положения и социальной политики стран ЕС могут показаться привлекательными для граждан России. Этот вопрос будет специально изучен в рамках данной работы.

1 Национальное государство и его границы: концептуализация понятий

1.1 Понятие границы в контексте исследований региональных интеграционных процессов.

Понятие «интеграция» стало чрезвычайно популярным в современном публичном дискурсе. При этом очень сложно точнее указать в каких случаях его употребление уместно, а в каких нет. Об интеграции говорят, когда описывают расстановку политических сил в Европе, или когда рассуждают о взаимодействии разных различных отраслей экономики государства, и даже когда объясняют преимущества использования «облачных сервисов» для мобильных устройств. Смешение всех этих контекстов употребления слова «интеграция» приводит к тому, что в каждом конкретном случае оно несет в себе очень разные коннотации. Ситуация усугубляется тем, что говоря об интеграции в контексте международных отношений ее часто смешивают и/или отождествляют с понятием глобализации. При этом понятно, что не смотря на определенное сходство этих процессов нужно уметь различать их.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что понятие «интеграции» само по себе является достаточно проблематичным и неоднозначным. При этом можно предположить, что, не смотря на плюрализм в употреблении этого термина, все же существует некоторая система различений, заложенная в самой идее интеграции, которая позволяет сохранять ее консистентность. Или же обращаясь к идеям Никласа Лумана можно сказать, что в данном случае «должен иметься уровень порядка, способный выдержать игру контингенции, *«inviolable level»*, который не затрагивается производством парадоксов и тавтологий в процессе решения, но именно отсюда и получает свою значимость» [Луман, 1991].

Отсюда можно сделать предположение, что за понятием интеграции стоит идея более общая и фундаментальная идея, которая и позволяет осуществлять его расширенную трактовку и применение. Эта фундаментальная идея может быть зафиксирована в понятии границы. Действительно, сам процесс интеграции подразумевает априорное существование границ, которые разделяют объект «А» и объект «В». Более того, именно благодаря границе возможно существование объекта «А». Эту идею, которую активно разрабатывал еще Г. Гегель, очень точно и

предметно фиксирует в своей статье В.Т. Фаритов: «благодаря ей [границе] определенное наличное бытие есть то, что оно есть, т.е. существует как позитивная себе-тождественная предметность или как конечное сущее» [Фаритов, 2012].

Вместе с тем понятие границы является важной аналитической категорией для социальной теории в целом. Речь и идет об одном из фундаментальных для социальных наук вопросе о границах общества как такового. Одну из прагматических формулировок этого вопроса можно найти в работе Д. Боуза о сущности либертарианства. В одной из глав он задается вопросом «Где заканчивается одно «общество» и начинается другое?». Будучи социальным номиналистом (общество суть *nominalis*, то есть название) он относится к этому вопросу скептически. Само понятие «общество» он считает всего лишь собирательной категорией и удобным термином, который обозначает группу из нескольких людей. В четвертой главе своей работы он в несколько агрессивной манере старается емко аргументировать свой тезис.

Экспрессивная и образная манера выражения Д. Боуза трудно поддается адекватному пересказу – существует большой риск исказить или вовсе элиминировать риторические приемы, которые он использует. Потому целесообразнее будет привести ключевые аргументы, которыми автор работы о либертарианстве подкрепляет свою позицию, почти в полном объеме, используя лишь самые необходимые сокращения. Дословно Д. Боуз пишет следующее: «Во всех случаях источником и основой творчества, деятельности и общества являются отдельные люди. Думать, любить, осуществлять проекты, действовать может только отдельный человек. Группы не могут ничего планировать. Лишь индивиды способны выбирать, т.е. сравнивать результаты от разных линий поведения и взвешивая последствия. Разумеется, люди часто объединяются в группы и работают совместно, но в конечном итоге выбор осуществляет разум индивида. [...] Однако на концептуальном уровне нам следует понимать, что общество состоит из отдельных людей. Оно не существует само по себе. Если общество состоит из десяти человек, то существует только десять человек, а не одиннадцать» [Боуз, 2004].

Для Боуза вопрос о границах общества является бессмысленным. Общество – это лишь название и для него невозможно определить физические границы. Он иронично замечает, что легко заметить где заканчивается граница одного человека и

начинается граница другого, но общество не допускает возможности такой операции.

Позиция Боуза является радикальной версией позиции социальных номиналистов. В своем изначальном варианте ее тезисы были сформулированы в работах Макса Вебера, Георга Зиммеля, Габриэля Тарда. При этом принципиально противоположную позицию по этому фундаментальному для социальной теории вопросу занимали представители социального реализма. Традиционно к ним относят Огюста Конта, Герберта Спенсера и Эмиля Дюркгейма. Последний предполагал, что общество есть реальность *suigeneris*, то есть реальность особого рода, которая является суверенной и не может быть редуцирована до реальности психической или физической. В своей известной работе «Метод социологии» он пишет следующее: «Если указанный синтез *sui generis*, образующий всякое общество, порождает новые явления, отличные от тех, что имеют место в отдельных сознаниях (и в этом с нами согласны), то нужно также допустить, что эти специфические факты заключаются в том самом обществе, которое их создает, а не в его частях, т.е. в его членах. В этом смысле, следовательно, они являются внешними по отношению к индивидуальным сознаниям, рассматриваемым как таковые, точно так же, как отличительные признаки жизни являются внешними по отношению к минеральным веществам, составляющим живое существо. Невозможно растворять их в элементах, не противореча себе, поскольку, по определению, они предполагают нечто иное, чем то, что содержится в этих элементах» [Дюркгейм, 1995].

И с этих позиций вопрос о границах общества необходимо рассматривать уже под принципиально иным углом зрения. Он не предполагает однозначных ответов и окончательных решений (как впрочем и позиция социальных номиналистов). Напротив, он влечет за собой ряд других вопросов, которые указывают на актуальность понятия границы для социальной теории и прикладных социологических исследований: совпадают ли границы общества с границами государства? как осуществляется трансгрессия этих границ? меняется ли сам субъект, пересекающий границу? Эти вопросы являются значимыми не только для социальной теории, но и для теорий региональной интеграции, которые имеют дело с проблемами диверсификации и размывания государственных границ.

Опираясь на эти размышления, становится понятно, что интеграционные процессы так или иначе предполагают переопределение важных атрибутивных

признаков границ – их транспарентности, подвижности и способности к различению по системе «свой-чужой». Не углубляясь в философские основания понятия «граница» имеет смысл разобрать как оно артикулируется в исследованиях, посвященных международным отношениям, с тем, чтобы выработать консистентный язык описания процессов региональной интеграции и сформировать аналитическую систему координат, дающую четкое представление об имеющихся теоретических и эмпирических изысканиях в данной области.

Понятие границы в исследованиях международных отношений зачастую рассматривается как непроблематичное, «*takenforgranted*»-условие существования суверенных государств. Однако в тех случаях, когда сами пограничные режимы размываются и диверсифицируются, исследователи начинают обращать внимание на то, как устанавливаются и поддерживаются границы.

Пример подобного рода размышлений можно найти в работе М. Андерсона о границах Европейского Союза. Он отмечает, что особенно остро вопрос о сущности и надежности государственных границ встал в 1990-е годы. В это время, полагает исследователь, дискуссия по поводу территориальных границ между странами-участницами Европейского Союза стала менее актуальной, так как к этому времени были выработаны определенные конвенции (речь идет не только и не столько о формальных постановлениях, сколько о неофициальных социальных конвенциях) относительно пограничных режимов между этими государствами. Вместе с тем острее встал вопрос о границах самого Европейского Союза, как нового актора в системе международных отношений.

Потому Андерсон обращает внимание на проблематичность самого понятия государственной границы. Границы, полагает он, зачастую понимаются упрощенно – в виде ярких линий на политической карте мира. Однако линия – это наименее продуктивный и наиболее примитивный вариант определения государственной границы. Линиями обозначаются границы между государствами на политической карте мира, но в реальности этих линий не существует. В реальности, пишет Андерсон, границы «представляют собой институты, учрежденные посредством политических решений и подчиняющиеся действующему законодательству. Границы были и практически остаются основным политическим институтом: в

развитых обществах без них не может строиться правовая экономическая, социальная или политическая жизнь» [Андерсон, 1997].

Андерсон полагает, что именно за счет незыблемости такого политического института, как государственная граница, становится возможной реализации государством веберовского принципа о монополии на легитимное физическое насилие. В целом, замечает автор статьи, понятие границы так или иначе является важной смысловой частью большинства развернутых определений суверенного государства.

Вместе с тем эти общие размышления о роли государственных границ в создании и поддержании суверенитета государства не являются центральным вопросом для Андерсона. Эти теоретические пролегомены нужны Андерсону для того, чтобы обрисовать контуры поля, на котором ведется сама игра – дискуссия о внутренних и внешних границах Европейского союза. Он выдвигает 5 тезисов, которые, по его мнению, наиболее емко описывают суть этих дебатов.

Тезис №1: стабильность существования ЕС зависит от стабильности его внутренних и внешних пограничных режимов. Главная проблема: как сделать так, чтобы прозрачность *всех* государственных границ была одинаковой среди *всех* стран-участниц Евросоюза.

Тезис №2: механизм использования государственных границ как средства «защиты культурных ценностей» может оказаться дезинтегрирующим фактором для Европейского союза и, вместе с тем, официальная диверсификация границ может привести к ослаблению и отмиранию национального самосознания у населения стран-участниц. Потому в ближайшем будущем центральным вопросом для Европейского Союза станет вопрос о культурном суверенитете стран-участниц.

Тезис №3: создание межстрановых общественных организаций приводит к упразднению государственных границ, что создает новые юридические коллизии, с которыми ранее не сталкивались страны ЕС. Потому необходимо решить вопрос о допустимых полномочиях таких организаций в рамках Европейского союза.

Тезис №4: для поддержания стабильности существования ЕС необходимо, чтобы все страны-участницы действовали в интересах Союза, решая экономические вопросы. Сложность, однако, состоит в том, что для некоторых стран национальные интересы стоят выше интересов всего Евросоюза.

Тезис №5: в Европейском Союзе существует ряд государств, обладающих особым территориальным положением, которое может использоваться для того, чтобы обеспечить личную выгоду для некоторых влиятельных граждан в отдельно взятом государстве. Причем эти действия не только идут вразрез с политикой Европейского Союза в целом, но и являются попросту нелегальными. В итоге это наносит серьезный ущерб авторитету ЕС на международной арене.

Стоит отметить, что статья Андерсона была написана в 1997 году. Ряд теоретических размышлений, на которые он опирается, несомненно являются ценными и значимыми для нашей работы. Равно как и те проблемы в формировании и развитии Европейского Союза, которые он обозначает во второй части своей работы. Однако за прошедшие более чем 15 лет политическая ситуация в ЕС, как и в мире в целом, изменилась. Потому имеет смысл обратиться к более современным исследованиям проблем формирования и поддержания пограничных режимов в условиях развивающихся региональных интеграционных процессов.

Примером такого исследования может послужить работа Аллана Мегилла «Границы и национальное государство: предварительные заметки». Свой анализ Мегилл начинает с размышлений о том, что границы не одинаковы по своему характеру. Он пишет, что в XX веке произошли два значимых события, которые повлияли на формирование и типологию государственных границ. К этим событиям он относит, во-первых, разрушение мультикультурных империй и, во-вторых, как следствие этого, возникновение унитарных национальных государств.

Это привело к тому, полагает автор статьи, что современные границы оказались различны по своей природе, функциям и истории происхождения. Потому их можно вполне правомочно разделить на три типа: *граница-border*, *граница-boundary*, *граница-frontier*. При этом говоря о границе в смысле *border* он указывает, что это общее наименование всех форм пространственного разграничения территории между государствами, то есть категория *border* включает в себя и *boundary*, и *frontier*. Что касается последних, то их, согласно мнению Мегилла, стоит рассматривать в квази-диалектическом отношении друг к другу. Здесь имеется ввиду следующее: «Под *boundary* я подразумеваю строго определенную линию, отделяющую одну часть территории от другой: представьте себе границы земельных участков, отделяющие одно владение от другого, издавна существующие во всех густонаселенных местах западного мира (и не только западного). Граница-*frontier*, в

том смысле, в котором я употребляю здесь это понятие, является по своему характеру больше «зональной», чем «линейной». Когда присутствует граница-фронтир, точно установить, где именно проходит граница государства, невозможно. [...] во многих случаях фронтиров одно государство противопоставлено не другому государству, а территории, где монополия на применение силы, легальная или нелегальная, отсутствует» [Мегилл, 2010].

Теме границы-*frontier* посвящен большой массив текстов, которые были написаны философами, историками, социологами, политологами. Наиболее значимые и известные работы были написаны американцем Фредериком Джексоном Тернером и французом Люсьеном Февром.

Тернер в 1893 году опубликовал работу под названием «Значение фронта в американской истории», которая в последствии принесла ему известность в мировом научном сообществе, а позднее и массовой культуре. В данном случае понятием «фронтир» Тернер обозначил постоянно перемещавшуюся линию, которая маркировала разделение освоенных американцами территорий и «диких» земель. Он предположил, что этот фронтир был одним из самых важных факторов в появлении и укреплении государственности у американцев. В каком-то смысле фронтир можно считать национальной идеей США, времен освоения материка. Фронтир, пишет Мегилл, преуменьшал роль Гражданской войны и других разделяющих общество факторов, предлагая взамен символ и идею, который мог сплотить вокруг себя американцев.

Если обратиться к работам Февра, то необходимо заметить, что они были написаны под влиянием иных исторических событий вписаны в принципиально другой социально-экономический контекст и потому его понятие фронта от того, который предложил Тернер. В работе «Земля и эволюция человека» Февр описал понятие границы, постоянно апеллируя к примерам, связанным с франко-прусской войной 1870-1871 годов. При этом Мегилл отмечает, что Февр сосредоточил внимание на проблеме границ в Новое время и предшествующий этому период, но современные ему пограничные режимы он не включил в сферу своего анализа.

Потому Мегилл обращает внимание на одну общую проблему характерную для всего корпуса текстов о проблеме границ – почти никто из исследователей не берется серьезно проанализировать предпосылки возникновения современных

пограничных режимов. Возможно, это связано с тем, что исследование современных границ неизбежно приводит к необходимости осваивать смежные области исследования, такие как изучение истоков происхождения и природы национальных государств. Анализ трансформации государственных и региональных границ в современном мире подробно проводит Н.М. Межевич.

Он пишет, что границы постулируют суверенитет национальных государств и формируют пространственные отношения между ними. Однако в настоящее время стабильность и незыблемость этих границ начинают ослабевать. Автор статьи предлагает следующий сценарий развития этого процесса: «станут разрушаться таможенные и валютные границы, которые прежде давали возможность национальным правительствам осуществлять контроль над богатствами своих стран. Неспособность правительств в современном мире обеспечить контроль за перемещением через их границы большей части людей, товаров и информации приводит к изменению как государств, так и самих границ» [Межевич, 2006].

Вместе с тем Межевич отмечает, что процесс диверсификации границ не является единственным трансформирующим фактором пограничных режимов. Одновременно с этим возникают и более подвижные, размытые границы, формирующие специфические области пограничья (таковой по мнению Межевича являлась Зональная Приграничная Область в ФРГ). В качестве примера таких новых границ автор статьи приводит следующую их типологию: *boundaries* – маркируют «пространство безопасности»; *borders* – обозначают линии перемещения на сопредельную территорию; *margins* – являются периферийными зонами; *frontiers* – указывают на промежутки соприкосновения с соседними зонами; *borderlands* – размечают специфические пограничные территории, сформировавшиеся и развивающиеся в условиях мультикультурализма.

При этом сам Межевич отмечает, что было бы неверно заикливаться на описании трансформаций, которые претерпевают границы национальных государств – существует принципиально иной тип пограничных режимов, которые заслуживают отдельного внимания. Речь идет о так называемых региональных границах. О них, по мнению Межевича, можно говорить, как минимум, в двух вариантах. Во-первых, региональные границы суть неформальные пространственные маркеры «региональных государств». Последние, пишет автор статьи, подразумевают специфическое экономико-географическое единство и замкнутость

производственного процесса внутри границ региона. При этом сами границы региона проводятся исходя из принципов наибольшей экономической целесообразности. Во-вторых, о региональных границах можно говорить в случае трансграничных неформальных регионов.

Появление таких межгосударственных образований и возникновение нового типа пограничных режимов (региональные границы) дают основания говорить о появлении новых акторов на международной политической арене. Эти акторы условно могут быть обозначены, в терминологии Межевича, как трансграничные регионы. Они представляют собой гетерогенную сеть, состоящую из акторов разного порядка: это могут быть как целые государства, так и отдельные части государств. При этом автор статьи отмечает, что такие трансграничные регионы превращаются в угрозу стабильности и независимости отдельных национальных государств. Потому исследователям, интересующимся регионалистикой, стоит обратить внимание на этих новых акторов в международном политическом пространстве.

В данном параграфе мы обратились к понятию границы как фундаментальной идее, стоящей за любыми концепциями интеграции. В своих начальных рассуждениях мы исходили из того, что понятие интеграции не является самодостаточным – это можно наблюдать на примере того, как оно приобретает все новые коннотации, который порой оказываются несопоставимыми друг с другом или на примере того, как понятие интеграции смешивается с понятием глобализации (причем последнее наблюдается не только в повседневном обращении с этими терминами. Существует большой пул научных статей, в которых тщательно деконструируется и затем вновь определяется граница между этими понятиями, чтобы сделать очевидными различия имеющиеся между ними).

Вместе с тем понятие границы дает возможность рассматривать процессы региональной интеграции с разных точек зрения, применяя различные аналитические фреймы. Через детальный разбор и классификацию различных типов границ можно артикулировать понятие «пограничья», которое позволяет понять как протекает сам механизм региональной интеграции как на микроуровне, так и на макроуровне. При этом различительные способности концепта «граница» позволяют обращаться как к теме внутренних связей и барьеров в регионе интеграции, так и к проблемам взаимоотношений с внешними соседями региона.

Использование понятия «граница» открывает доступ к созданию такого языка описания, который адекватен для формирования объяснительных моделей, касающихся различных сторон региональных интеграционных процессов. Так, в рамках нашего исследования требуется выявить какие установки распространены среди россиян по вопросу интеграции России в Европейский Союз. Эти установки могут быть рассмотрены как часть общего миропонимания, основанного либо на принципиальной транспарентности границ (оно будет характерно для тех граждан, которые позитивно оценивают идею интеграции России и ЕС), либо на отождествлении границы с защитной линией, которая охраняет от вторжения «других» (такой взгляд на мир будет скорее характерен для тех, кто не считает возможной интеграцию России и ЕС). Вместе с тем, понятие границы, как теоретический конструкт в исследованиях международных отношений, дает возможность анализировать весь пул академических и прикладных исследований, посвященных проблемам региональной интеграции как важного геополитического явления современности. Кроме того, понятие граница является достаточно абстрактным и универсальным для того, чтобы быть связующим звеном между прикладным пониманием термина «региональная интеграция» и теоретическим конструктом «национального государства», который мы подробнее рассмотрим в следующем параграфе.

1.2 Статус национального государства в условиях региональной интеграции

Понятие «национальное государство» прочно вошло в лексикон социальных наук. Частота его употребления в политико-правовых и сравнительных социальных исследованиях сопоставима с частотой использования таких понятий как «демократия» и «гражданское общество». При этом нельзя говорить о существовании непротиворечивого конвенционального определения этого термина. Значение и нормы употребления понятия «национальное государство» - это предмет непрекращающихся дискуссий. В связи с этим было бы уместно разметить аналитическую систему координат, которая позволила бы нам ориентироваться в этом вопросе. Для этого в данном параграфе мы постараемся систематизировать подходы к определению понятия «национальное государство», описать их сильные стороны и противоречивые моменты.

Поднимая вопрос об определении понятия «национальное государство», исследователь неизбежно сталкивается с проблемой, которая может заметно усложнить эту задачу. Дело в том, что это словосочетание образовано такими понятиями как «нация» и «государство». Можно предположить, что для адекватного толкования термина «национальное государство» необходимо также детально проработать вопрос о концептуализации этих понятий. Однако многие исследователи полагают, что такой подход к определению национального государства излишне механистичен. Кроме того, он предполагает выполнение такого большого объема работы, который будет несопоставим с ожидаемым результатом. Потому логичнее будет не углубляться в историографию понятий «нация» и «государство», но рассматривать их как вспомогательные категории в определении термина «национальное государство». Поддержку этой позиции мы можем найти в работе А.С. Блинова, который замечает, что «данное синтетическое понятие целесообразно воспринимать в его изначальном семантическом единстве» [Блинов, 2003] Или мы можем усилить этот тезис и сказать, что «национальное государство» – это синтагма, которая не допускает дробления на составные элементы. В любом случае, такая позиция предполагает, что нам следует сосредоточить свое внимание на обзоре исследований по очень конкретной проблематике.

Однако необходимо учесть, что понятия «национальное государство» носит междисциплинарный характер. Оно находится в фокусе интересов политологов, юристов, социологов, философов. Это объясняется многоаспектностью этого понятия, а также его тесной взаимосвязью со многими другими важными концептами этих наук: нация, этнос, суверенитет, политическая идентичность и т.д. Потому проблема определения понятия «национальное государство» в самых разных контекстах так или иначе затрагивается представителями многих дисциплин. Не имея возможности проанализировать все эти случаи, мы сосредоточимся на наиболее общих направлениях решения этой проблемы. Вместе с тем мы также коснемся и менее распространенных, но по-своему оригинальных решений обозначенного затруднения.

Свой анализ мы начнем с типичного для социальных наук способа размышления о границах понятия «национальное государство». Этот термин часто встречается в различных политико-правовых исследованиях. Такие работы связаны с

попытками отыскать адекватное определение этого термина отталкиваясь от понятий «нация» и «национальное». Особый акцент делается на стремлении разграничить политические и этнические коннотации словосочетания «национальное государство». В подобного рода теоретических изысканиях понятие «национальное государство» рассматривается как синонимичное понятию «государство-нация».

Одно из типичных для политико-правовых исследований определений национального государства можно найти в статье С.А. Янжинова. Он пишет, что «нацией-государством» обычно называют результат политико-правового самоопределения нации и создание ею соответствующей государственно-правовой территориальной формы устройства» [Янжинов, 2009]. При этом автор статьи замечает, что нельзя однозначно сказать, какой из двух элементов – нация или государство – является первичным по отношению к другому. В большинстве случаев нация рассматривается как необходимое условие возникновения государства, но, вместе с тем, и государство может выступать в качестве реальной политической силы, создающей «для себя» нацию. С.А. Янжинов иронично замечает, что подобная ситуация сложилась в современной России, где бесконечные поиски национальной идеи едва не стали самой национальной идеей. В связи с этим он полагает, что выработка однозначного толкования термина «национальное государство» тесно связана с решением вопроса о том, что из себя представляет само понятие нации.

Однако здесь возникает серьезное затруднение. С.В. Лисовская указывает, что трактовка терминов «нация» и «национальное» отличается крайней волатильностью в научной литературе, в законодательстве и в повседневной жизни. [Лисовская, 2011] Она справедливо обращает внимание на тот факт, что среди главных теоретиков концепции «национального государства» так же нет согласия относительно дефиниции своего предмета. «К. Дейч связывает становление наций прежде всего с появлением экономики обмена, социальной мобильностью, ростом городов, развитием коммуникаций, концентрацией капитала и появлением концепции интереса. Э. Смит рассматривает формирование наций как следствие «тройственной революции» – качественных сдвигов в сферах экономики, политики и культуры. Согласно концепции Б. Андерсона, становление наций обусловлено секуляризацией общественной жизни, воздействием «печатного капитализма» и распространением грамотности». [Лисовская, 2011] Вместе с тем использование

существующих обобщенно-неопределенных дефиниций нисколько не упрощают ситуацию, но, напротив, лишь усугубляют проблему. Смешение гражданских, политических, юридических, этнических, конфессиональных аспектов понятия «нация» делает его неконсистентным и, в пределе, бессмысленным. Этот тезис находит свое подтверждение и в трудах отечественного историка и этнолога В.А. Тишкова, который категорично высказывается, что «состоя почти из одних исключений, оговорок и противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки» [Тишков, 1996]. Потому можно предположить, что попытки проанализировать термин «национальное государство» через детальный разбор понятия «нация» не имеют большого эвристического потенциала.

Вместе с тем в ряде политико-правовых исследований предпринимаются попытки снять эту проблему, фактически отождествив понятия «нация» и «национальное государство». Пример подобного аналитического маневра можно найти в работе Е.С. Шавлоховой. Она соглашается, что термин «нация» стремительно деградирует, так как он используется для обозначения слишком широкого круга явлений. Потому она полагает, что область его применения следует четко ограничить. Конкретно она выводит ряд критериев, которые одновременно позволяют провести четкую демаркационную линию между понятиями «нация» и «этнос», а также выводят на передний план политические аспекты термина «нация». Во-первых, отмечает Е.С. Шавлохова, существование нации подразумевает не только, и не столько, территориальную и этническую, сколько экономическую и политическую общность ее составных элементов. Во-вторых, нация, в отличие от этноса, подразумевает регуляцию общественных отношений посредством государственно-правовых норм. [Шавлохова, 2008] Однако введение подобных характеристик нации, по сути, элиминирует различия между понятиями «нация» и «государство-нация». Но это нельзя трактовать как однозначную слабость подобной позиции. Более того, по мнению Эрика Хобсбаума, «рассуждать о нациях и национальностях вне этого контекста [...] не имеет никакого смысла» [Хобсбаум, 1998]. Согласно такому подходу нацию невозможно помыслить вне национального государства. Обратное утверждение тоже будет верным.

Другой способ разрешения проблемы поиска дефиниции для понятия «национальное государство» связан с анализом возникновения самого этого типа

государственного устройства. Проблема появления и развития национальных государств затрагивается в трудах многих отечественных и зарубежных ученых. Особенно много публикаций посвящено размышлениям о современном их положении. Эта тема становится все более актуальной в силу интенсификации процессов региональной интеграции, которые заставляют переосмысливать концепцию национальных государств и даже ставить вопрос об исключении этого понятия из научного тезауруса в силу разрушения его эмпирического референта. Но прежде чем переходить к сути этих дебатов было бы полезно описать историю возникновения и развития национальных государств.

Эта тема получила детальную проработку в трудах Юргена Хабермаса. В своей работе «Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства» он указывает на тот факт, что, по сути, само мировое сообщество целиком состоит из национальных государств. На это указывает название самой большой и одной из самых влиятельных мировых организаций – «Организации объединенных наций». Хабермас предполагает, что такая ситуация сложилась потому, что национальное государство оказалось более выгодным типом государственного устройства по сравнению, например, с городами-государствами и империями.

Стоит заметить, что в работах Хабермаса довольно много размышлений о происхождении понятий «нация» и «государство». Он полагает, что их разбор и анализ должны предварять само исследование статуса национальных государств в современном мире. Однако мы уже замечали, что для целей нашего исследования подобные интеллектуальные упражнения не имеют практической значимости. Потому эту ветвь рассуждений Юргена Хабермаса мы оставим в стороне и сконцентрируемся на тех его идеях, которые релевантны нашему исследовательскому замыслу.

Немецкий социолог полагает, что сильная сторона национальных государств (по сравнению с другими типами государственного устройства) состоит в том, что оно способно разрешить сразу несколько насущных проблем, которые возникли в Новое время. Конкретно национальное государство «учредило демократический способ *легитимации* на основе новой и более абстрактной формы *социальной интеграции*» [Хабермас, 2002]. Это качество национального государства стало, как отмечает Хабермас, решением сразу для двух проблем. Первая проблема явилась

следствием религиозных войн. Затяжные острые конфликты между представителями различных конфессий подорвали авторитет религии, как организующего начала общественной жизни. Итогом этого, пишет автор, стал переход к религиозному плюрализму, который не мог считаться источником легитимации власти монарха, как это было ранее в моноконфессиональном государстве. Потому политической власти потребовались новые способы легитимации, которые были предложены национальным государством. Вторая проблема, которую описывает Хабермас, была вызвана нарастанием процессов модернизации, которые фактически разрушили традиционные отношения, характерные для ранних современных обществ. Он отмечает, что в силу этих причин население стало «одновременно географически подвижным и разобщенным. На оба вызова национальное государство отвечает политической мобилизацией своих граждан». [Хабермас, 2001] Оно позволило выработать новую более абстрактную форму социальной интеграции, основанной на национальной идентичности. Вместе с тем это также привело к фактическому исчезновению подданных и появлению вместо них граждан.

Таковы преимущества национальных государств в трактовке Юргена Хабермаса. Однако очевидно, что вместе с преимуществами у такой формы государственного устройства есть и свои недостатки. Немецкий социолог описывает их следующим образом: «обратной стороной его [национального государства] заслуг являются весьма напряженные отношения между националистическим и республиканским самосознанием. От того, какое из них возобладает, будет зависеть судьба демократии» [Хабермас, 2002]. В частности, это заметно в том какие новые коннотации появляются у понятия «суверенитет». Хабермас замечает, что с появлением национальных государств помимо понятий внутреннего и внешнего суверенитета добавляется новая окраска этого термина. Он начинает использоваться по отношению к понятию нация и означает, что суверенитет этой общности должен отстаиваться не наемниками, а «сынами нации». Потому национальное государство имеет мощный механизм воздействия на своих граждан в период военных действий: участие в войне есть священный долг каждого гражданина. Отказ выполнить этот долг расценивается как предательство своей нации и измена Родине. В связи с этим национальное государство нельзя однозначно назвать более гуманным по отношению к своему населению, чем другие формы государственного устройства.

Вместе с тем нельзя не признать, что среди ученых нет согласия относительно последующего развития государств-наций и их роли на международной арене. Особенно неоднозначно положение национальных государств в настоящее время, когда процессы глобализации и региональной интеграции подрывают их авторитет как ключевых акторов международного политического процесса. Эту позицию поддерживают многие известные ученые. В частности, Ульрих Бек категорично утверждает, что «мировое общество, которое образовалось в процессе глобализации во многих сферах, а не в одной только экономической, ослабляет, ставит под сомнение могущество национального государства, вдоль и поперек пронизывая национальные границы множеством разнообразных, не связанных с определенной территорией социальных зависимостей, рыночных отношений, сетью коммуникаций, несхожими нравами и обычаями населения». [Бек, 2001]

Однако среди ученых есть и много противников этой позиции. Так, Майкл Манн считает нужным говорить не о распаде национальных государств, но о необходимости признать их «неугасание» (это слово он даже вынес в подзаголовок одной из своих работ о государствах-нациях). Если говорить конкретнее, то Манн полагает, что «ослабление нации-государства в Западной Европе является незначительным, специальным, неравномерным и уникальным. В менее развитых частях мира нации-государства, находящиеся в процессе становления, в данный момент также ведут себя нерешительно, но по иным, сугубо «до-современным» причинам. На большей территории планеты нации-государства все еще развиваются или по крайней мере стараются достичь этого» [Манн, 2002]. Для доказательства этого тезиса он предлагает проанализировать европейский исторический фон развития государств-наций.

Майкл Манн отмечает, что большинство историков называют XVI-XVII века периодом укрепления и расцвета национальных государств (подробнее эта позиция была рассмотрена выше). Однако он полагает, что это заблуждение, вызванное тем, что теоретики излишне доверчиво относятся к заявлениям идеологов монархии, а специалисты в области международных отношений рассматривают лишь вопрос о возникновении суверенитета во внешней политике. Потому, пишет Манн, справедливее было бы указать, что вплоть до начала XVIII века те социальные образования, которые принято называть национальными государствами, исполняли свои политические функции совместно с другими органами – церквями,

аристократией и иными корпоративными институтами. Потому роль государств в политическом процессе значительно преувеличивается. «Они ведали дипломатией и небольшими войнами с внешним врагом, а внутри страны лишь занимались беспорядочным администрированием высших уровней правосудия и подавления. Монархи могли заявлять о своих амбициозных намерениях, но достигали они крайне немногого» [Манн, 2002]

Однако, замечает Манн, на рубеже XVIII-XIX веков ситуация начала меняться коренным образом. К этому периоду государствам, хоть и постепенно, удалось получить монополию на военное насилие. В доказательство этого тезиса автор приводит данные, которые свидетельствуют об увеличении расходов ВВП на военные нужды. Мало-помалу государство ощутимо стало влиять на повседневную жизнь своих граждан. Это, как полагает Манн, привело к тому, что население более не могло оставаться политически индифферентным, как это было ранее. Эти настроения среди граждан послужили одной из предпосылок зарождения гражданских обществ. Сплочению и укреплению таковых способствовало и само государство. В начале оно обеспечивало финансовую поддержку основных коммуникационных систем, позднее создало и поставило под контроль систему всеобщего образования, затем им была создана система национального здравоохранения, с течением времени трансформировавшаяся в развитую систему социального обеспечения. Граждане, как пишет Манн, все более становились зависимыми от государства. К тому же массовые войны XX века оказались мощным стимулом для формирования национального самосознания и, в последствии, укрепления национализма.

Эти рассуждения позволяют Майклу Манну сделать вывод, что «именно в это время, и большей частью в Европе, зародились первые настоящие нации-государства. Другие возникли позднее; особенно сильная и внезапная волна этих процессов прокатилась по всем континентам после 1945 года. На сегодняшний день существование даже старейших из таких государств еще не превысило средней продолжительности человеческой жизни; в большинстве же своем они куда более юны, а многие еще только борются за право родиться». [Манн, 2002]

В заключение мы можем сделать ряд выводов относительно тех задач, которые мы обозначили в начале параграфа. Во-первых, следует заметить, что система

национальных государств начинает складываться после установления Вестфальского мира в 1648 году. Однако, как замечают некоторые ученые, эту дату нельзя считать временем окончательного формирования национальных государств. Было бы справедливее считать, что этот процесс продолжается и по сей день. В связи с этим и на вопрос об эрозии государств-наций под воздействием процессов глобализации и региональной интеграции нет однозначного ответа. Соответственно особую ценность приобретают эмпирические исследования, которые могут выявить каково положение современно национального государства. Потому важность исследования «Евробарометр в России» нельзя переоценить.

Во второй главе нашей работы мы детально рассмотрим понятие региональной интеграции, ее типов и форм. А также опишем ключевые этапы возникновения и развития Евросоюза.

2 Ключевые характеристики процесса региональной интеграции: пример Европейского союза

2.1 Теоретические подходы к понятию «региональная интеграция»

Когда говорят о процессах европейской региональной интеграции, традиционно выделяются следующие ее формы:

- 1) Зона свободной торговли
- 2) Таможенный союз
- 3) Общий рынок
- 4) Экономический и валютный союз
- 5) Полная экономическая (и политическая) интеграция

Однако в данном параграфе мы не будем подробно останавливаться на специфике каждой из форм. В настоящей главе мы подробнее остановимся на теоретических подходах к концептуализации понятия «интеграция».

В научной литературе, где рассматриваются вопросы интеграции (и в частности, традиционную региональную интеграцию), сформировался значительный корпус теорий. Каждое из теоретических направлений по-своему подходит к концептуализации процесса интеграции. В их основе, тем не менее, лежит определенный набор следующих значимых понятий: суверенитет, межправительственность, национальность.

Суверенитет связан с понятиями авторитета, власти и независимости. Вслед за М.В. Стрижневой мы будем понимать под суверенитетом «законную способность уполномоченных лиц принимать политические решения в национальных рамках, не подвергаясь внешним ограничениям». В таком случае подразумевается национальный суверенитет.

Под межправительственностью понимают сотрудничество национальных государств по кругу вопросов, который представляет для них общий интерес. Такие отношения основываются на принципе единогласия в принятии решений. По мнению Стрижневой, на практике межправительственность состоит в нескольких чертах [Стрижнева, 2009]:

Во-первых, решения в главных сферах государственной политики как правило принимаются на национальном уровне. Если говорить о ситуации в Евросоюзе, то

страны, входящие в его состав, могут консультироваться с партнерами по определенным вопросам (например, внешняя, фискальная политика). Однако окончательное решение принимается самим государством. Во-вторых, принципиальные решения о политике ЕС принимаются Европейским советом, в который входят главы государств и правительств стран-членов. Наконец, в-третьих, предписания ряда наднациональных институций (Европейский парламент и Европейская Комиссия) не всегда обладают принудительной силой. Так, они не могут заставить реализовать политический курс, который не устраивает входящие в его состав государства.

Наднациональность также является значимым термином для понимания процессов интеграции. Заметим, что в ряде источников она обозначается как «надгосударственность». Различение этих понятий неоднозначно[29] и, в нашем случае, непринципиально, поэтому будем придерживаться первой формулировки. Наднациональность, прежде всего, связана с вопросами регулирования и подконтрольности национальных государств, которые являются членами международной организации или союза. Такая ситуация возникает при делегировании полномочий государства некоторым организационным структурам, созданным для регулирования отношений стран-участниц. По словам А.С.Фащенко: «Наднациональность – это совокупность полномочий, которыми государства наделяют определенный международный орган для целенаправленного регулирования, причем эти полномочия имеют приоритетный характер по отношению к соответствующей компетенции государств-членов». [Мещерякова, 2007]

Рассмотренные выше термины дают представления о том, что лежит в основе интеграции. А также, вокруг каких отношений выстраивается риторика интеграционных процессов. Иными словами, выделение ключевых качеств интеграции связано с оперированием понятийным аппаратом, который затрагивает вопросы независимости-подконтрольности. И тогда ответом на эти вопросы будет специфическая форма регулирования отношений между государствами, которые находятся в процессе создания общего поля взаимодействия. Таким образом, по мнению О.Буториной, можно выделить пять основополагающих признаков региональной интеграции [Буторина, 2005].

Во-первых, возникновение *синергетического свойства*. Подразумевается, что при объединении государств возникает специфическая ситуация взаимной выгоды. Эмерджентность тогда заключается в создании такого благоприятного положения дел для участников, которое они не могли бы достигнуть по отдельности. Буторина для наглядности использует метафору игры с положительной суммой. В таком ключе объединение – выигрышная стратегия для государств по двум причинам. Выгода в таком случае очевидна и для союза в целом, и для каждого его участника в отдельности.

Во-вторых, *новое объединение обособляется от остальных государств*. Это двусторонний процесс. За счет различных механизмов регулирования внутри объединения разрушаются различные виды барьеров (например, экономические). И, в то же время, усиливаются границы между образованным союзом и остальными государствами. Известный пример – Шенгенская зона. С одной стороны, она предусматривает свободное перемещение граждан между странами, которые принадлежат этому объединению. С другой стороны, приезжим из других государств (стран, не подписавших Шенгенское соглашение) необходимо получить визы для посещения Шенгенской зоны.

Третьим важным признаком является *партнерский и добровольный характер региональной интеграции*. Этот признак позволяет четко различить интеграцию и другие формы межгосударственного взаимодействия, основанные на насильственном объединении (основание колоний, империй).

Четвертой отличительной чертой интеграции выступает *значительное влияние на разные области как внешней, так и внутренней политики стран-участниц*. Такой критерий отличает процесс интеграции от результата деятельности международных организаций. Последние, как правило, регулируют только какую-то определенную сферу общественной жизни (экология, энергетика и т.д.).

Наконец, в-пятых, очень важный признак – это *осознание общего будущего*. Как подчеркивает О.Буторина, общность представлений не только о настоящей, но и о будущей глобальной идентичности – базовое условие успешной региональной интеграции.

Однако обозначенные признаки интеграции еще не позволяют сформулировать рабочее определение понятия «интеграции». Здесь уместно вернуться к вопросу о существующих теоретических подходах к пониманию этого процесса.

Корпус научной литературы, посвященной тематике интеграционных процессов, представлен большим количеством работ. В то же время, есть некоторые конвенционально выделяемые теоретические платформы. Каждая из них выстраивает свой категориальный аппарат на основе специфического понимания сути интеграции. Традиционно выделяются следующие теоретические направления: федерализм (в некоторых источниках – европейский федерализм), неофункционализм, теория коммуникации. Однако и эти подходы могут быть дополнены другими (например, ряд авторов относит к ним конструкционизм и политические сети). В то же время, в некоторых работах предпринимаются попытки периодизации обозначенных направлений. Пример подобной «хронологической классификации» - работа М.В.Стрежневой «Теории европейской интеграции».

Первой широко известной попыткой теоретизирования на предмет интеграции является *федерализм*. В этом рамках этого подхода работали такие авторы как Дж. Пайндер, А. Сбраджа. Сторонники этого направления видят основной задачей европейской интеграции создание такого объединения государств, которое было бы основано на принципе разделения ветвей власти. В то же время Т.М.Фадеева дает более широкую трактовку: «Углубленное понимание европейской модели федерализма предполагает рассмотрение его важнейших особенностей: принципа субсидиарности, проблемы формирования европейской идентичности в ее соотношении с национальной и региональной идентичностями, европейского гражданства, важности создания единого культурного пространства». [Фадеева, 2007] Она также акцентирует внимание на следующих принципах федерализма:

Единство в многообразии. Это отражает противоречивую на первый взгляд комбинацию самобытности государства и активного сближения «по всем фронтам», с другими странами. Хайнеман-Грудер на этот счет замечает: «Все федерации являются конфликтными системами и находятся в состоянии непрерывного изменения, пытаясь установить баланс между единством и многообразием, централизмом и регионализмом, разделением власти и установлением полномочий, а также между симметрией и асимметрией» [Heinemann-Gruder, 2002]

Вторым принципом выступает «разделенный суверенитет». Это понятие является одним из наиболее дискуссионных и в научной литературе, и в практике принятых политических решений. Нет однозначного мнения, кому должен

принадлежать суверенитет, а значит, широкие полномочия – федеративному центру или субъектам федерации.

Также значим принцип субсидиарности (дополнительности). Он означает, необходимо спускать функции принятия решений на как можно более низкий уровень. Иначе говоря, функции управления должны быть ближе к населению. В таком случае федеральный центр исполняет круг задач, с которыми отдельно не могут справиться субъекты. Фарукшин М.Х. замечает, что: «Соблюдение принципа субсидиарности позволяет не перегружать федеральный центр, не взваливать на него ответственность за решение задач, с которыми вполне самостоятельно и эффективно могут справиться сами субъекты федерации. Практическая реализация принципа субсидиарности позволяет поставить заслон увеличению числа федеральных органов власти и размножению федеральной бюрократии». [Клемин, 1997]

Фигура федерального центра приобретает особую важность в этом теоретическом концепте. Здесь уместно обратиться к работам А.Энциони, который определял три типа интеграции, где центру федерации отводилась значимая роль:

«Политическое сообщество – это такое образование, которое обладает тремя видами интеграции: а) эффективным контролем над насилием (при этом оно может делегировать часть полномочий государствам-членам); б) центром принятия политических решений, который способен распределять ресурсы внутри сообщества; в) доминантные политические предпочтения граждан сообщества относятся к его центру» [Побединский, 2008]

В этом ракурсе сотрудничество между государствами не является в полном смысле интеграцией. Такая логика вновь возвращает нас к понятию «наднациональности». В практическом ключе работы Европейского союза, по мнению М.В.Стрежневой [Стрежнева, 2009], это иллюстрируется несколькими примерами:

Прежде всего, значительная часть законодательной базы ЕС (вторичное право) исходит от Комиссии. В Совете министров закрепились форма голосования квалифицированным большинством голосов. Европейский парламент усилил свое влияние в законодательной сфере и контроле над Еврокомиссией. В то же время Европарламент не обладает должным авторитетом и конституционным статусом, который характерен для национальных парламентов. Наконец, нельзя не сказать о том, что значительное количество европейских решений обязательны к исполнению.

Следующей важной концепцией для понимания интеграции является *неофункционализм*. Наиболее известные авторы, чьи работы составляют фундамент этого направления - Э. Хаас, Л.Линдберг, Д.Митрани (хотя последний в большей степени считается основоположником функционализма).

У неофункционалистов в фокусе внимания находится скорее процесс интеграции, чем его результат. Итог важен в той степени, в которой он отражает специфику движения на пути объединения и возможные следствия. Еще один немаловажный вопрос, которому уделяет внимание концепция неофункционализма – взаимодействие между сферами общественной жизни. Интеграция выступает своего рода ответом на вызовы различных сфер государства. Причем в логике неофункционализма подчеркивается взаимосвязь различных областей общественной жизни: «Та или иная акция, связанная с достижением конкретной цели (скажем, создание общего рынка угля и стали), порождает ситуацию, при которой исходная цель может быть достигнута лишь в результате последующей цепи действий (например, в транспортной области), в свою очередь порождающих дополнительные условия (в том числе в социальной сфере)». [Стрежнева, 2009]

Проблемные вопросы, которые решаются в одной из областей, с неизменностью затрагивают процессы принятия решений в других областях. Это обуславливает постепенное распространение процессов интеграции из сферы экономики – в политику, культуру и т.д. Такое явление благодаря Эрнсту Хаасу [Haas, 1968] получило название «перелив».

Кроме того, Э.Хаас также работает с понятием лояльности, которое становится одним из ключевых концептов неофункционализма. М.В.Стрежнева трактует это в следующем ключе: «Поскольку лояльность к некоему центру усиливается в результате выполнения им полезных функций, множественность лояльностей может породиться разнообразием функций, которые выполняют разные центры. Э. Хаас ожидал, что изменение направленности людской лояльности в пользу наднационального центра способно породить общность чувств и надежд, что, в свою очередь, и послужит социопсихологической предпосылкой для оформления политической федерации». [Побединский, 2008]

Резюмируя сказанное о сущности неофункционализма, теперь в его логике приведем определение понятия «интеграция». Воспользовавшись формулировкой Буториной: «Интеграция определяется как процесс формирования нового, полезного

для его членов сообщества с центральными органами власти, пользующимися лояльностью наряду с другими властными структурами» [Буторина, 2005]

Следующим в ряду концептов об интеграции идет *теория коммуникации*. Эта теоретическая платформа представлена в первую очередь работами К.Дейча. Автор предлагает, прежде всего, сосредоточиться на вопросах социальной коммуникации между странами, находящимися в процессе интеграции. К. Дейч определяет процесс интеграции следующим образом: «Создание на определенной территории «чувства сообщества», сильных институтов и практических инструментов, способных существовать длительное время и вызвать среди населения территории устоявшиеся ожидания на мирные изменения». [Побединский, 2008]

Упоминание «устоявшихся ожиданий на мирные изменения» подводит нас к одному из ключевых понятий теории коммуникации К.Дейча. Этим понятием является «безопасности», а если более точно, «сообщества безопасности». Основанием таких сообществ выступают либерально-демократические ценности. Это означает, что страны-участницы объединения ориентируются на урегулирование конфликтных ситуаций ненасильственным путем. Такой взгляд на взаимодействие внутри объединения отсылает нас к одному из сформулированных ранее признаку интеграции. Речь идет об обособлении от других государств, с одной стороны, и внутреннем сплочении – с другой. Иными словами, в теории коммуникации подчеркиваются сильные партнерские связи внутри объединения.

Кроме того, идеи К.Дейча значимы еще и потому, что он ставит вопросы культурной общности, а также психологического согласия среди государств, находящихся в процессе интеграции. В конечном счете, «теория коммуникации понимает интеграцию как сплоченное и безопасное сообщество, исповедующее общие ценности и ведущее к развитию совместной идентичности». [Буторина, 2005]

Отдельное место в научной литературе занимает вопрос соотношения понятий «интеграция» и «глобализация». Действительно, они интуитивно кажутся близкими по смыслу, но, в то же время, не тождественны. Интеграция подразумевает развитие и усиление целого комплекса связей между государствами (или регионами), которые ставят целью формирование нового объединения стран. В первую очередь к таким связям относятся военно-политические и социально-экономические отношения. По словам В.В.Хожемпо: «Цель налаживания такого сотрудничества — содействие национальному развитию за счет объединения и/или обмена ресурсами, в том числе

и на льготных условиях, по сравнению с третьими странами, а также коллективное противодействие внешним силам (другим государствам и межгосударственным объединениям)». [Хожемпо, 2008]

В то же время глобализация предстает более широким процессом и выступает предпосылкой возникновения интеграционных процессов. Кроме того, выше рассматривалось, что одной из ключевых характеристик интеграции является ее добровольный характер (по отношению к странам-участницам). В таком ключе интеграция выступает своего рода внешнеполитической интенцией государства – осознанным решением. Глобализация, напротив, предстает чем-то внешним по отношению к одному конкретному государству. Она включает целый комплекс процессов (например, экономических и информационных), которые характеризуют в целом внешнеполитическую ситуацию во многих сферах отношений. Также значимое отличие, на которое обращается внимание в научной литературе, это сохранение культурных различий государств: «Регионализация как современная альтернативная тенденция развития мира приобретает все большую популярность, потому что, способствуя более рациональному использованию имеющихся у взаимодействующих стран ресурсов и расширяя границы национальных сообществ, она сохраняет их культурные различия, не ущемляя основополагающих прав и интересов других народов» [Хожемпо, 2008]

Таким образом, опираясь на все вышесказанное, под региональной интеграцией, вслед за О.Буториной, мы будем понимать «модель сознательного и активного участия группы стран в процессах стратификации мира, обусловленных глобализацией». [Буторина, 2005] Далее мы разберем несколько исследований посвященных различным аспектам взаимодействия России и Европейского Союза.

2.2 Исследования европейских интеграционных процессов в фокусе различных теоретических ориентаций

Считается, что идея объединения европейских государств в Новое время впервые была четко артикулирована после Второй мировой войны. Согласно распространенному убеждению в 1946 году Уинстон Черчилль выдвинул тезис о необходимости создать так называемые «Соединенные штаты Европы». Этот призыв нашел определенную поддержку среди глав европейских держав и в 1949 году был учрежден Совет Европы, который успешно функционирует и по сей день. Хотя

нужно понимать, что эта организация совершенно не равноценна по своему смыслу и назначению той межгосударственной организации, к созданию которой призывал премьер-министр Великобритании.

Потому сама история европейской интеграции начинается, по общему признанию, в 1951 году, то есть через 5 лет после речи Черчилля и через 2 года после создания Совета Европы. В этом году шесть европейских стран (Федеративная Республика Германия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Франция, Италия) подписали соглашение о создании Европейского объединения угля и стали. Эту организацию, не смотря на ее название, имеет смысл считать не только и не столько экономической, сколько политической. Дело в том, что замысел, по поводу которого она создавалась касался предотвращения новой кровопролитной войны в Европе путем установления общего контроля над ресурсами стали и угля.

Эти меры положили начало многоаспектной европейской интеграции. Через 6 лет после образования Европейского объединения угля и стали, в 1957 году, в Европе были созданы еще две наднациональные организации, целью которых было усиление взаимосвязи европейских государств. Так, результатом подписания Римского договора стало создание Европейского экономического сообщества, которое должно было упростить проведение торговых операций внутри европейского пространства. В этом же году было учреждено Европейское сообщество по атомной энергии. А через два года после этого был созван Европейский парламент. Считается, что эти события были первым этапом европейской интеграции.

На втором этапе у этих организаций появляются конкуренты. Так, в 1960 году страны, не вошедшие в состав Европейского экономического сообщества, сформировали Европейскую ассоциацию свободной торговли. Однако через некоторое время участники этой экономико-политической организации пришли к выводу, что членство в ЕЭС сулит им куда большие выгоды. Потому Великобритания, Ирландия, Дания и Норвегия дважды (в 1961-1963 и в 1966-1967 годах) подавали прошения о вхождении в состав Европейского экономического сообщества. Однако их прошения были фактически заблокированы действиями Шарля де Голля, который посчитал необходимым наложить вето на решение о вступлении новых государств в ЕЭС. Ситуация изменилась лишь в 1969 году, когда де Голль покинул свой пост. В этот период начались переговоры с Великобританией,

которая провела ряд изменений в собственном законодательстве и в 1973 году смогла присоединиться к ЕЭС. Необходимо заметить, что чуть раньше, в 1967 году, все три европейских наднациональных организации объединились в новую организацию, которая получила название Европейские сообщества. Потому, начиная с этого года, страны, которые принимали решение стать участниками Европейского экономического сообщества также автоматически входили в состав этой организации. Дальнейшее углубление европейской интеграции связано именно с развитием Европейских сообществ.

Третий этап региональной интеграции на территории Европы начинается как раз после подписания членами Европейских сообществ Маастрихтского договора и создания Европейского союза, который, по сути, стал преемником Сообществ. После этого в период с 1994 по 1995 годы членами Европейского Союза становятся еще Австрия, Финляндия и Швеция.

Также принято выделять четвертый этап интеграции, который начинается в 2002 году. В этот период обозначились сразу десять кандидатов в члены Европейского Союза. Через два года эти страны (Мальта, Кипр, Эстония, Латвия, Литва, Венгрия, Словения, Словакия, Польша, Чехия) стали новыми членами ЕС. В 2007 году к Евросоюзу присоединились Болгария и Румыния. И, наконец, в 2013 году 28-ым членом Европейского Союза стала Хорватия.

В настоящее время исследования интеграционных процессов Европейского Союза проводятся по самым разным направлениям. Одно из них касается изучения роли Европейского Союза в стимулировании интеграционных процессов в других регионах мира. Примером может послужить исследование Ю.В. Шишкова. Среди факторов, благоприятствующих интеграционным процессам на межстрановом уровне, Шишков считает характерными для европейского пространства следующие: разветвленная региональная транспортная сеть, развитая кредитно-финансовая инфраструктура, культура международного экономического общения, ранняя капитализация и индустриализация региона. Отдельно автор статьи указывает, что важной предпосылкой начала интеграционных процессов в Западной Европе стали небольшие экономические расстояния между европейскими странами. Шишков пишет, что это понятие включает несколько компонентов: географическое расстояние между производителем товаров/услуг и потребителем, уровень развития

средств сообщения, размер тарифных и нетарифных барьеров, общую политическую ситуацию в каждой отдельно взятой стране и в регионе в целом.

Потому, отмечает автор работы, совсем неудивительно, что именно здесь начался многоаспектный процесс взаимного интегрирования институциональных, экономических, правовых и социальных систем. Этот пример оказался заразительным и начиная с 1960-х годов в разных регионах мира предпринимались попытки реализовать модель интеграции Европейского Союза в новых условиях. Однако в массе своей эти начинания оказались провальными. Шишков задается вопросом почему так произошло? Из-за чего модель интеграции, успешно реализованная в Европе, оказалась нежизнеспособной в других регионах мира? Оказывается, пишет он, что все дело в том, что создание успешного регионального интегрированного сообщества возможно лишь при наличии трех условий.

Первое условие касается уровня развития производства и степени разделения труда. Они должны быть достаточно высокими для того, чтобы национальные хозяйства дополняли друг друга и были крайне заинтересованы в открытом и долгосрочном сотрудничестве друг с другом. По словам Шишкова, интеграция становится возможной лишь между теми странами, где присутствует развитая обрабатывающая промышленность. Потому становится в принципе невозможной интеграция между аграрно-индустриальными странами (это, например, страны входящие в состав Содружества Независимых Государств).

Второе условие, пишет Шишков, касается самого типа экономической системы, который характерен для стран, стремящихся к интеграции: «даже достаточно развитые в промышленном отношении страны способны к интегрированию друг с другом лишь при условии, что их экономика является не командно-распределительной и жестко централизованной, где действуют искусственные цены, квазиденьги, плановые издержки производства и государственная монополия внешней торговли, а рыночной и децентрализованной, где главными действующими лицами являются не чиновники, а частные предприниматели». [Шишков, 1997]

Третья причина связана с тем, какие политические режимы установлены в тех странах, которые намереваются начать процесс взаимной интеграции. Шишков указывает, что по ряду причин в данном случае единственно приемлемым политическим режимом будет прочно укоренившаяся демократия. Во всех иных

случаях политика государства остается менее предсказуемой, что снижает уровень доверия между государствами-партнерами. В свою очередь из-за этого, пишет автор статьи, становится невозможным ни подписание договоров об открытых таможенных границах, ни соглашений о совместных мерах по экономическому развитию региона. Однако Ю.А. Борко крайне критично относится к новизне таких выводов. Он указывает, что «сегодня рассуждения относительно объективного характера европейской интеграции выглядят банальными» [Борко, 1997].

Вместе с тем пример Европейского Союза позволяет не только вывести общие правила создания успешных интеграционных проектов, но и сформулировать ряд рекомендаций по реализации региональной политики. Разработке таких рекомендаций посвящена работа И.М. Бусыгиной.

Она замечает, что для Европейского Союза, начиная с момента его основания, все большее значение приобретает региональная политика (РП). Она становится важна для ЕС, так как позволяет сглаживать социально-экономические диспропорции в уровнях развития регионов. Вместе с тем, замечает автор статьи, региональная политика становится важной частью общего политического курса России. Все дело в том, что крупные реформы 1990-х годов по-разному отразились на разных регионах Российской Федерации. Из-за этого, полагает Бусыгина, у жителей России возникает чувство так называемой территориальной несправедливости. Это очень опасная тенденция для любого государства, но для большого федеративного государства – это еще более серьезная проблема. Дело все в том, что чувство территориальной несправедливости есть один из тех факторов, который положительно воздействует на дезинтеграционные процессы. Последние, в своем крайнем варианте развития, могут привести к коллапсу государственности и дроблению единой страны на многие отдельные автономные образования. Потому, считает Бусыгина, для России очень важным оказывается проведение правильной региональной политики, которая может уменьшить или, в пределе, снять проблему территориальной несправедливости. При этом Европейский Союз является примером крайне успешной реализации региональной политики и было бы логично обратиться к его опыту в этом вопросе.

Если обратиться к истории формирования и развития региональной политики в ЕС, то ее можно назвать насыщенной и напряженной, хоть она и не будет очень длинной. Бусыгина полагает, что нет смысла подробно разбирать каждый этап в

становлении региональной политики, однако «необходимо упомянуть о радикальной реформе Структурных фондов (СФ) 1989 г., поскольку именно тогда были выработаны четкие принципы деятельности фондов, а, фактически, и коммунитарной РП. Так, реформа РП базировалась на четырех основных принципах: всемерная концентрация средств в наиболее нуждающихся регионах; программный, а не проектный подход; партнерство на всех уровнях: от национального до местного; дополнительность, то есть совместное выделение средств из наднационального и национального бюджетов» [Бусыгина, 1997].

Очевидно, что в реализации региональной политики были и другие важные изменения, но их Бусыгина предпочитает обойти стороной и сосредоточить внимание на тех острых углах, которые в себе скрывает реализация этой политики. Их оказывается не так много. Первая сложность связана с тем, что за время своего существования ЕС пережил несколько крупных расширений. Помимо очевидных изменений в территориальном размере Союза эти расширения также привели к тому, что в ЕС появились новые типы региональных проблем и диспропорций за счет присоединения новых регионов. Вторая сложность связана с тем, что сама реализация региональной политики требует привлечения значительных финансовых средств. Однако при образовании Европейского Союза эта статья расходов не учитывалась, так как ранее предполагалось, что интеграции автоматически устранил все имеющиеся региональные диспропорции. Третья сложность касается эффекта, который мероприятия региональной политики оказывают на тот или иной регион, вернее на ту или иную территориальную единицу. Оказалось, что крайне сложно спрогнозировать как предпринимаемые меры скажутся на странах-участницах Европейского Союза: какие из них наберут больше положительных очков, какие меньше, а для каких эти меры окажутся вовсе неэффективными. Четвертая сложность связана с тем, что региональная политика – это многофакторный и потому трудно прогнозируемый процесс. Из-за этого очень сложно задать ему конкретное направление. И, наконец, пятая сложность связана с так называемой инерционностью территориальной структуры в целом. Это проявляется в том, что результаты от проводимой региональной политики становятся заметны далеко не сразу, необходимо значительное количество времени, чтобы результаты проделанной работы стали очевидны. Эта сложность имеет несколько неудобных разворотов для правительства, участвующего в реализации региональной политики.

С одной стороны, эта работа оказывается крайне неблагодарной – видимые улучшения появляются далеко не сразу, что дает основания общественному мнению, скорому на вынесение радикальных суждений, говорить о неэффективности проводимых мер. С другой стороны, в тех случаях когда должностные лица, ответственные за реализацию конкретных мероприятий из общей стратегии региональной политики, манкируют своими обязанностями, то их трудно в этом уличить опять же из-за этого отложенного эффекта региональной политики.

Если же говорить о возможностях непосредственного взаимодействия России и Европейского Союза на современном этапе, то можно найти соответствующие размышления в работе Т.Г.Пархалиной. Она пишет, что «продуктивной, с точки зрения интересов России, могла бы быть разработка стратегии соучастия в решении проблем защиты окружающей среды (особенно в регионе Средиземного моря), отражения угрозы исламского фундаментализма и терроризма, борьба с распространением наркотиков и новых болезней». [Пархалина, 2000]

Кроме того стоит обратить внимание на исследование Марка Энтина, который не только описывает характер имеющихся связей между этими игроками на международной политической арене, но и описывает возможные сценарии их взаимодействия. Он справедливо отмечает, что Европейский Союз является одним из важнейших ориентиров для России при выборе курса ее внешней политики. Эту точку зрения разделяют также В.И. Капусткин и С.Ф. Сутырин - «как ближайшие, так и долгосрочные тенденции развития ЕС в значительной мере повлияют на характер и общее состояние среды, в которой предстоит принимать решения и действовать подавляющему большинству российских хозяйствующих субъектов. В этих условиях задача органов государственного управления заключается в том, чтобы выработать и проводить в жизнь стратегический курс, позволяющий, с одной стороны, минимизировать потери для России, к которым может привести дальнейшее углубление и расширение западноевропейской интеграции, с другой – создать предпосылки для максимального использования отрывающихся в этой связи новых возможностей». [Капусткин, 1997]

Авторитет ЕС в настоящее время таков, что в основном от его действий зависит будущий облик того, что Энтин называет Большой Европой. Потому для России крайне важно правильно определить свои позиции по отношению к Европейскому Союзу. «Однако восприятие отношений между Россией и ЕС, между

Россией и Западом в целом и у нас в стране, и за рубежом крайне мифологизировано. Оно пропитано обидами и надеждами, отягощено прошлым, выстраивается в категориях желаемого. И в результате никак не связано с объективным анализом реальности». [Бауман, 2002]

Энтин полагает, что было бы полезно описать хотя бы некоторые из этих мифов, чтобы показать какой стереотипный образ друг друга сложился в России и Европейском Союзе. Первый миф, который присущ гражданам Евросоюза, касается внешних границ и пограничного режима с Россией: едва будет открыта процедура въезда и установлен безвизовый режим, как в тот же момент из России в Европу хлынет волна мигрантов, пишет Энтин. Вторым мифом, который поселился в умах жителей Европы, касается криминализированности российской экономики. Этот миф сложился во многом благодаря СМИ в ЕС, которые не устают упоминать о действиях русской мафии в Европе и теневом прикрытии большинства незаконных торговых операций совершаемых в Еврорегии. При этом, отмечает автор работы, действительное число преступлений в Европе, которые совершаются выходцами из России, составляет менее 1% от числа всех преступлений в европейском пространстве. Третий миф укоренен в российском сознании: политика Европейского Союза развивается по двойным стандартам, которые ущемляют интересы России на международной арене. Энтин отмечает, что это неполный список стереотипов, которые в настоящее время все еще оказываются влиятельными при выборе политического курса во взаимодействии России и Евросоюза. Однако и этих стереотипов достаточно чтобы осложнить и без того непростые отношения между ними.

Если же говорить о сценариях развития отношений России и ЕС, то Энтин полагает, что в дальнейшем возможны лишь два исхода событий. Первый заключается в постепенной интеграции на основе приверженности общим ценностям (причем приверженности реальной, а не только декларируемой). Второй – неизбежно приведет к конфронтации (при этом конфронтация может даже стать крайне острой и открытой).

Из всего вышесказанного становится понятно, что вопрос о ценностях становится решающим для успешного налаживания диалога между Россией и Европейским Союзом. Отсюда возникает вопрос есть ли какие-то базовые ценности для всего Европейского Союза в целом (а не для отдельных стран, входящих в его

состав), на основании которых можно было бы начать сближение России и ЕС. Ответ на него пытается найти Д.А. Рыжков.

Ключевые понятия, которые использует Рыжков в своей статье, это политическая культура и базовые европейские ценности. Он полагает, что без их использования практически невозможно описать как развиваются отношения между Россией и ЕС. Термин политическая культура впервые был употреблен известным американским политологом Г. Алмондом и позднее был переосмыслен в работах С. Верба. В общем виде по политической культурой понимают «систему ценностей, глубоко укоренившихся в сознании мотиваций или ориентаций и установок, регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике» [Рыжков, 2009]. Это определение, пишет Рыжков, дает понять, что тип политической культуры и, следовательно, сам характер политической системы зависит от того набора базовых ценностей, которые распространены в том или ином обществе. Таким образом, политическая культура является своеобразным буфером, или точнее было бы сказать, медиатором, который, с одной стороны, транслирует базовые ценности государства во внешнюю среду, а с другой стороны, служит входным каналом, который позволяет адекватно воспринимать базовые ценности, распространенные среди населения других государств.

На основании этих рассуждений Рыжков делает вывод, что базовые культурные ценности во многом определяют политическую культуру государства, а, следовательно, и модель поведения государства на международной арене. Схожие мысли по этой проблеме высказывает Ю.В. Косов: «Ценностные ориентации и ценности жизни, распространенные в обществе, выступают в качестве источников мотивации человеческой деятельности». [Косов, 1997] Потому необходимо выявить пул этих базовых ценностей, чтобы иметь возможность адекватно реагировать на те или иные действия политического субъекта на международной арене и иметь возможность прогнозировать его будущее поведение. Однако как можно выявить этот пул базовых ценностей?

Рыжков предлагает свое оригинальное решение этого вопроса. Он справедливо указывает, что эти ценности должны быть отражены в ключевых документах, которые легли в основу формального закрепления европейской интеграции: Маастрихтский договор, Хартия основных прав Европейского Союза, Лиссабонский договор. Можно предположить, что такие ценности могут быть также закреплены в

Конституциях стран-членов ЕС. Однако в данном случае стоит иметь в виду, что правовые документы национальных государств могут не совпадать с правовыми документами ЕС в целом. Об этом пишет А.В. Клемин: «Взаимоотношения же между европейским и национальным правопорядками, напротив, характеризуются не только сотрудничеством и партнерством, но и соперничеством, а иногда и некоторой враждебностью одновременно. Таковы реалии Европейского сообщества». [Клемин, 1997]

Анализ этих документов позволяет Рыжкову сделать вывод, что в пул базовых ценностей Европейского Союза входят: свобода, уважение прав человека, равенство, верховенство права и закона, приверженность демократии, безопасности и правосудию.

При этом очевидно, что официально провозглашаемые ценности могут не совпадать с теми ценностями, которые на самом деле доминируют в том или ином обществе. Потому Рыжков предлагает обратить внимание на результаты Всемирного исследования ценностей (WorldValuesSurvey, WVS), которое ясно дает понять, что восприятие базовых ценностей в Европе не отличается однородностью. Отсюда мы можем сделать вывод, что действительные базовые ценности населения страны могут сильно расходиться с официально декларируемыми ценностями этого государства. Потому для России так сложно выстраивать диалог с поликультурным, но стремящимся к унификации Евросоюзом.

Теоретические направления, которые мы рассмотрели в этом параграфе, позволяют сформулировать исследовательские фокусы для эмпирической части работы. Проведя работу по концептуализации понятия, мы бы хотели перейти к определению, различению внешнеполитических установок россиян. Вопросы интеграции, сближения одного государства с другим, являются значимой повесткой в международных отношениях. Однако это также неизменно затрагивает самый широкий спектр важных для населения тем. Таким образом, интеграция как процесс, определяющий не только направление внешней политики, но и имеющий последствия для большого круга социальных вопросов внутри общества, становится предметом коллективного обсуждения, публичной дискуссии.

В следующей главе данной исследовательской работы будет предпринята попытка концептуализации существующих внешнеполитических установок россиян.

Такая работа позволит всесторонне посмотреть на перспективу интеграции Российской Федерации и Европейского союза через призму общественного мнения.

3 Россия и Европейский союз: внешнеполитические установки россиян в отношении возможности интеграции

3.1 Осведомленность россиян о Европейском союзе

В предыдущих главах мы подробно рассмотрели такие важные для нашего исследования концепты как граница, национальное государство и региональная интеграция. Они легли в основу нашего понимания установок, которые характерны для россиян относительно вопроса интеграции России и Европейского Союза. При этом очевидно, что эти понятия являются, в первую очередь, теоретическими конструктами, которые не могут быть напрямую использованы в качестве интерпретативной схемы ответов респондентов. Следует понимать, что эти концепты представляют собой основу для создания консистентного языка описания, который может быть релевантным в академических публикациях по теме исследования. В этом смысле проделанная работа является солидным заделом на будущее. Однако все эти концепты не могут использоваться при интерпретации результатов исследования в том виде, в котором они разрабатываются в работах по социальной теории. Потому этот метаязык остается общим аналитическим фреймом, который задает границы понимания результатов анализа, но сами результаты при этом следует доходчиво изложить, не прибегая к излишне сложным семантическим конструкциям.

Ниже представлены результаты исследования установок россиян по вопросу интеграции России и Европейского Союза. Начиная с наиболее общих вопросов, очерчивающих границы понимания респондентами поставленной проблемы, мы переходим к уточняющим, которые нужны для расширенного толкования всего спектра установок россиян по заявленной проблеме.

Для того чтобы приступить к освещению вариативных отношений различных групп населения России к идее интеграции в Европейское пространство, необходимо представить данные по осведомлённости россиян о Европейском союзе.

Доля незнающих о существовании Европейского союза респондентов в массиве значительна и составляет 31% опрошенных, чем заслуживает отдельного

рассмотрения наравне с группами населения, высказывающими какое-либо определённое мнение по поводу отношений России и Европы.

Для повышения эффективности внутренних и внешнеполитических мер, направленных на интеграцию России в Европейское пространство, важным представляется учёт особенностей каждой из двух частей населения: «Знающих» и «Незнающих» о Европейском союзе.

Прежде всего, необходимо максимально снизить риск противостояния внешнеполитическим предприятиям России, направленным на развитие отношений со странами Европейского союза, со стороны «Незнающих о Европейском союзе». Понимание особенностей данной группы опрошенных значительно расширяет возможности оценить потенциальные взаимные влияния государства и части населения, не осведомлённой о Европейском союзе. Делая эту категорию видимой, можно выдвинуть и проверить предположения о её внешнеполитических установках. Опираясь на соответствующие данные категории «Знающих о Евросоюзе» и учитывая сходства в социально-демографических характеристиках, политических настроениях и жизненных стратегиях, можно уменьшить радиус «слепого пятна» и выстроить ожидания по успешности интеграционных и прочих внешнеполитических проектов относительно большего числа граждан России. Включение в анализ «пассивной» (на момент проведения опроса) части населения обусловлено существенным вкладом в содержательную наполненность научно-исследовательской работы, что в перспективе должно выразиться в повышении надёжности выводов, основанных на ней.

Социально-демографический портрет группы, не имеющей представления о Европейском союзе, заметно отличается от остальной части опрошенного населения по критерию образования. Среди незнающих о Евросоюзе 14% людей с неполным средним образованием, что более чем в три раза превышает долю таковых среди осведомлённых о его существовании (4%). При этом число окончивших высшие учебные заведения среди последних в два раза (41%) превосходит количество людей с высшим образованием в группе «Незнающих» (20%). Доходы членов группы «Знающих» в среднем выше: более половины (53%) представителей этой группы ежемесячно довольствуются душевым доходом 15 - 20 тысяч рублей, в то время как для основной массы (50%) «незнающих» о Евросоюзе пределом является сумма в 10 тысяч рублей. Среди членов этой группы значительная часть (30%) пенсионеров и

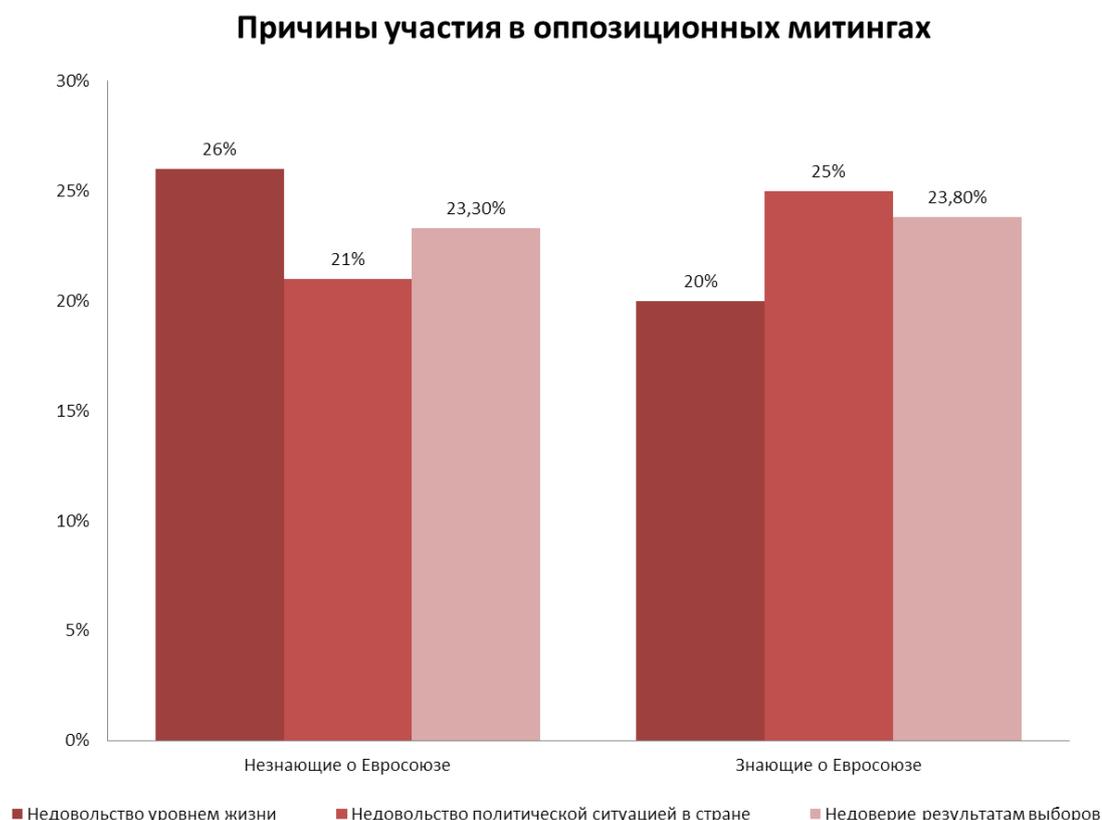
инвалидов, также относительно велика доля безработных граждан (10%), что, помимо более низкой образованности, обуславливает низкий уровень доходности данной части населения.

Порядка 59% этой части населения не имеют доступа в Интернет, что частично может объяснять отсутствие знаний о существовании Евросоюза. Вероятно, по этой же причине, «Незнающие о Евросоюзе» в большей степени отстранены от актуальной ситуации в политике России, нежели остальные 69% выборки. Это иллюстрируется частотным распределением ответов на вопросы о политической активности: оппозиционных и поддерживающих действующую власть митингах, политических партиях. Более 38% неосведомлённых о существовании Евросоюза людей ни разу не слышали о митингах, проводящихся в городах России за предшествующее опросу полугодие. Знают о них другие 38%, что почти в два раза меньше, чем среди «Знающих» о Евросоюзе (72%). При этом осведомлённость о митингах оппозиционного характера почти в три раза выше (11%), чем о поддерживающих действующую власть (3,4%). Эта тенденция сохраняется при оценке готовности принять участие в митингах. В оппозиционном митинге принять участие собираются 6% осведомлённых о них. Этот показатель в три раза выше готовности поддержать действующую власть (2%) со стороны знающих о митингах такого рода. Большинство опрошенных (85%) не собирается принимать участие ни в каком митинге, что говорит о том, что среди незнающих о Евросоюзе число политически активных граждан несколько меньше (15%), чем в группе осведомлённых о нём (17%).

Относительная отдалённость от сферы политических отношений «Незнающих» проявляется в представлениях о причинах участия в оппозиционных митингах. Наиболее популярной (26% ответов) для них выступает «недовольство уровнем жизни», в то время как «недовольство политической ситуацией в стране» может быть причиной в 21% случаев. Для другой части населения, напротив, основной причиной является «недовольство политической ситуацией в стране» (25%), а по причине «недовольства уровнем жизни» митингуют не более 20%. Единодушны участники опроса по поводу второй по распространённости причины участия в митинге оппозиционного характера: «недоверие результатам выборов» (около 23,5%). Актуальность этой причины для всех участников исследования может

быть обусловлена хронологической близостью опроса к выборам президента и правящих партий.

Диаграмма 1

Сравнительный анализ политической активности двух категорий населения России – «Знающих» (69%) и «Незнающих» (31%) о существовании Европейского союза показал, что «Незнающие» в меньшей степени задействованы в митингах и часто вообще не имеют о них представления (38%). Готовность этой группы участвовать в митингах в целом чуть ниже, чем осведомлённых о Евросоюзе: 15% против 17%. При этом для участия в оппозиционных митингах с точки зрения респондентов, не имеющих представлений о Евросоюзе, в большей степени актуальна причина «недовольства уровнем жизни», нежели «недоверие результатам выборов» и «недовольство политической ситуацией», что смещает восприятие мотиваций для митинговой активности с политических взглядов на аспекты частной жизни.

Приведённые отличия в политической активности россиян в зависимости от их осведомлённости о Европейском союзе поддерживаются некоторыми различиями

в социально-демографических характеристиках двух групп населения. Среди «незнающих» доля пенсионеров и инвалидов составляет 30%, что на 8% больше, чем в структуре группы «Знающих». Кроме того, количество безработных в группе «Незнающих» вдвое выше (10%). Эти категории населения больше остальных подвержены риску социальной эксклюзии, и одним из аспектов здесь выступает отстранённость от политической сферы жизни общества, иллюстрирующаяся незнанием о существовании Европейского союза и низкой вовлечённостью на информационном уровне и уровне личной активности в политическую жизнь общества.

«Незнающие» находятся за границами актуальной для общества информации политического характера, что может свидетельствовать: а) о недостаточной её распространённости; б) о затруднениях в доступе к таковой для определённых групп населения.

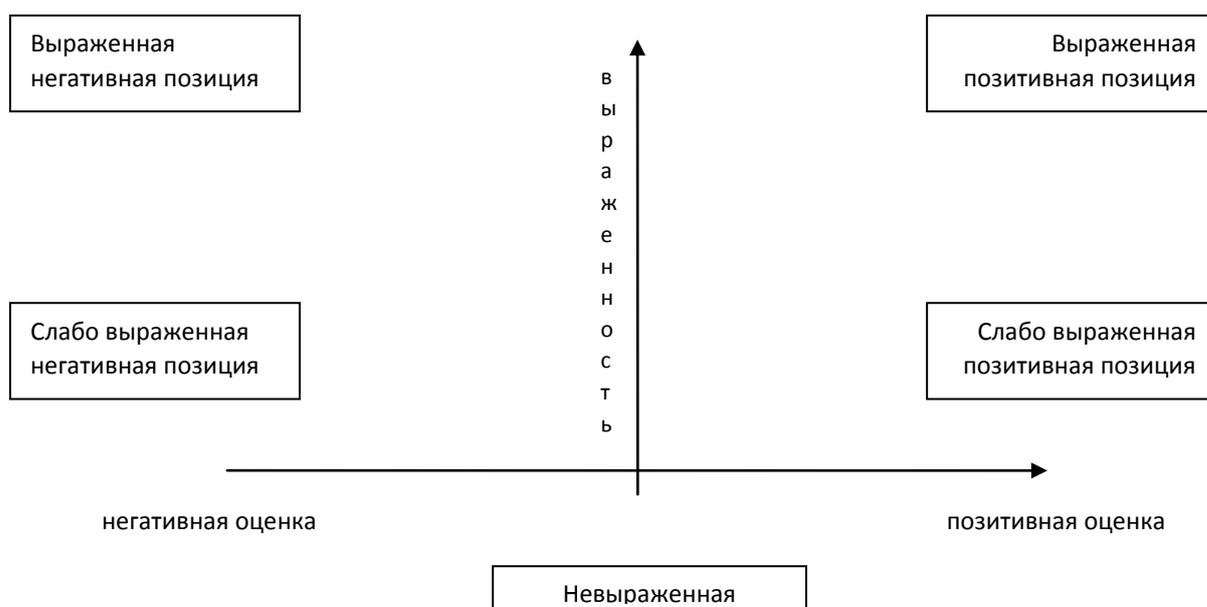
Приобщение населения к дискурсу интеграции в Европейское пространство облегчит коммуникацию государственных органов и гражданских групп. Для обеспечения поддержки и одобрения действий правительства со стороны большего числа граждан полезным может стать ознакомление россиян с идеей интеграции. Развивая эти стратегии ознакомления, таким образом, важно учитывать, что значительной части населения потребуется дополнительная информация о Европейском союзе, которой до сих пор абсолютно не владеет около трети населения страны. В разработке стратегий информационной трансляции должны учитываться источники информации, к которым в этой категории граждан относятся с доверием.

В целом представители «Незнающей о ЕС» части населения менее доверчивы, нежели граждане, относящиеся к части «Знающих». Единственным источником информации, вызывающим доверие у большинства (70%) «Незнающих» является телевидение. Доверие радио и печатным источникам находится на уровне 12%, в то время как для остальной части населения эта отметка достигает почти 20%. Интернет-ресурсы не пользуются доверием у «Незнающих», вероятнее всего, из-за отсутствия у большинства доступа в Интернет. Судя по неосведомлённым о Евросоюзе пользователям Интернета, они всё же склонны не доверять новостным порталам, информационным сайтам, блогам и социальным сетям, что разительно отличает их от другой части населения.

Благодаря сравнению частей населения по осведомлённости о Европейском союзе, чёткое представление получил континуум внешнеполитических установок россиян по отношению к Европе. Крайняя позиция в континууме внешнеполитических установок относительно интеграции в Европейское пространство заключается в полном отсутствии таковых у 31% населения. Другой крайней точкой должно стать максимально точное представление о сближении с ЕС. В континууме предполагаются промежуточные позиции, которые должны описываться с точки зрения близости к одной из предельных точек. Следующее предположение заключается в том, что в пространстве внешнеполитических установок на одних и тех же по близости к полюсам позициях могут быть группы населения с разнонаправленными установками равной «силы». Так, достаточно чёткое представление о Европейском союзе может быть у групп противоположно настроенным к сближению с ним России. Континуум внешнеполитических установок, таким образом, имеет две оси – выраженности мнения и оценки (см. Диаграмму 2).

Диаграмма 2

Континуум установок россиян по отношению к Европейскому союзу

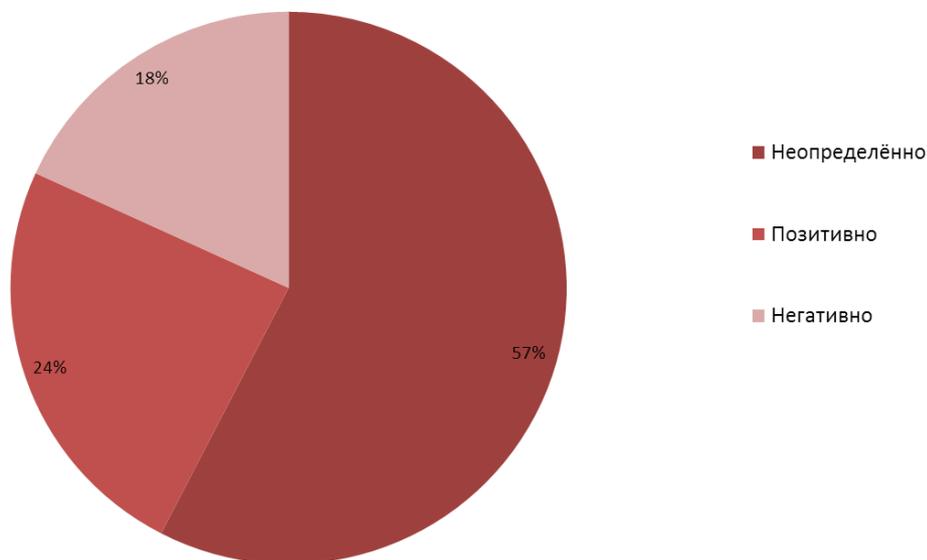
Крайнюю позицию по оси «выраженности» удалось рассмотреть через изучение группы «Незнающих о Евросоюзе». Различные степени выраженности мнения относительно ЕС с учётом различий в оценочном аспекте предстоит рассмотреть через изучение второй части населения.

3.2 Кластерный анализ внешнеполитических установок россиян

Анализ производился на основе категории «Знающих о Европейском союзе» участников опроса. Среди них 24% соглашаются с перспективой сближения России и Европейского союза. Другие 19% считают, что Россия должна дистанцироваться от Европейского союза. Остальные, т.е. большая часть опрошенных (57%) не высказывают однозначного мнения или безразличны к вопросу о развитии внешней политики России.

Диаграмма 3

Восприятие идеи об интеграции в Европейское пространство через сближение с Евросоюзом

Для более детального представления этих групп населения в представленном континууме необходимо определить силу выраженности негативного и позитивного мнений. Довлеющий процент неопределённого отношения к сближению с

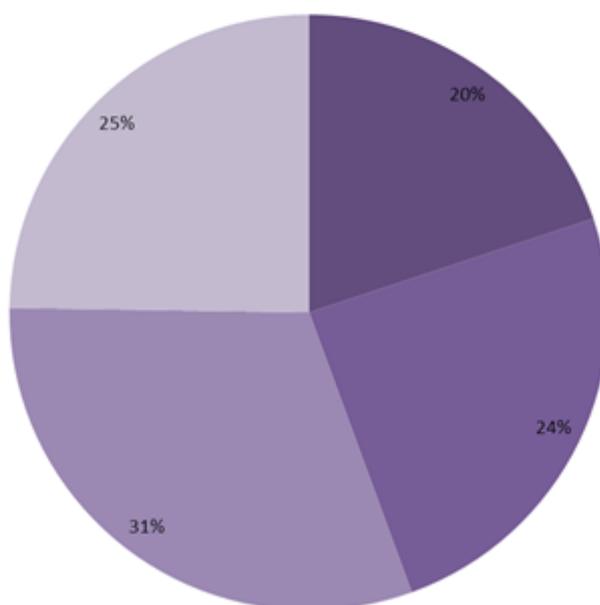
Европейским союзом позволяет предположить наличие нескольких промежуточных позиций по оси «оценки».

Респондентам были заданы вопросы о том, как в будущем должна вести себя Россия по отношению к Евросоюзу, выиграет или проиграет ли Россия от вступления в него, какова желаемая ориентация внешней политики России (страны бывшего СССР, Запад). Опрошенные распределились по 4 кластерам, основанным на различиях в желательной стратегии России в отношениях с Евросоюзом и мнениях относительно пользы России от вступления в ЕС.

Диаграмма 4

Группы населения по внешнеполитическим установкам относительно интеграции в Европейское пространство

■ Остерегающиеся ■ Равнодушные ■ За интеграцию ■ Против интеграции

Первый кластер охватывает 20% опрошенных, которые считают, что Россия скорее выиграет от вступления в ЕС. Одновременно с этим, по мнению представителей этой части населения, России важно сохранять умеренную дистанцию от Европы. По свободным ответам членов первого кластера заметно, что они остерегаются усиления влияния Европейского союза на Россию и вместо «интеграции» предпочитают говорить о «сотрудничестве» и о «взаимовыгодных дружеских отношениях». Так же в кластере фиксируется анти-интеграционное

настроение, выражающееся в стремлении поддерживать нейтралитет во взаимоотношениях с Европейским союзом, и развиваться «своим путём». Для первого кластера важен суверенитет России, и со стороны Европейского союза его представители видят определённую угрозу независимости России, отчего кластер получил название «*Остерегающиеся интеграции*».

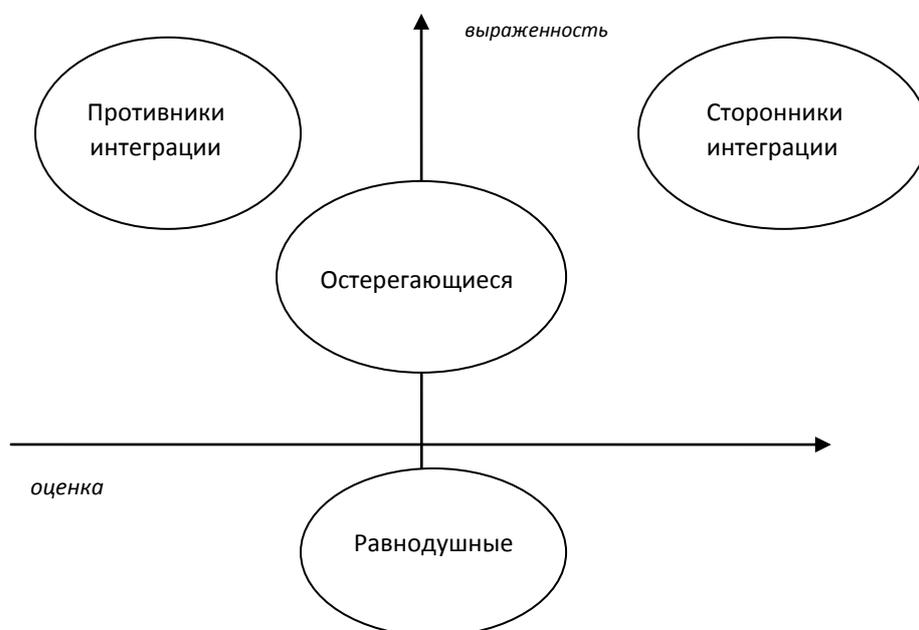
Во второй кластер входит 25% населения, которые остаются равнодушными к вопросам интеграции России в пространство ЕС и не высказывают определённого мнения по поводу пользы или вреда для России от вступления в ЕС. Представители этого кластера воздерживаются от изложения желаемых стратегий развития международных отношений России. «*Равнодушные к интеграции*» представляются безразличными к политике вообще, потому что лишь 10% из них обсуждают вопросы политики с друзьями и знакомыми, а 42% никогда не поднимают политические темы в кругу общения.

Самый многочисленный кластер включает в себя 31% участников опроса, выступающих за интеграцию России в Европейское пространство. По мнению этих респондентов, Россия скорее выиграла бы от вступления в ЕС и поэтому должна приложить максимальные усилия для интеграции в него. В этой группе объединились «*Сторонники интеграции*».

Противоположного мнения придерживаются «*Противники интеграции*» в количестве 25% выборки. Отмечая, что вступление в ЕС не повлияет на положение России, представители этой категории считают, что в долгосрочной перспективе она должна максимально дистанцироваться от Европейского союза.

На первый взгляд, пространство внешнеполитических установок россиян выглядит следующим образом (см. Диаграмму 5).

Диаграмма 5

Крайние позиции на оси оценки идеи сближения с ЕС презентуют «Противники» и «Сторонники» интеграции, при этом положение «Противников» не является предельным по своей негативности. Одновременно с этим, «Сторонники» и «Противники» занимают примерно равные позиции по оси выраженности. «Остерегающиеся интеграции» не настолько ясно выражают свою позицию, отчего определить положение этого кластера на оси оценки без более детального рассмотрения сложно.

Размытость, т.е. низкая степень выраженности мнений в двух группах «Остерегающихся» и «Равнодушных» заставляет обратить особое внимание на социально-демографические характеристики, а также политические стратегии входящих в них индивидов.

Через анализ характеристик «Равнодушных к интеграции» необходимо уточнить возможные причины безразличия к вопросам политики. Следующим шагом важно соотнести положение этой группы с позицией «Незнающих о Европейском союзе» в виду близости их положений по оси «выраженности» мнения о сближении с Евросоюзом, но учитывая вторую, оценочную, ось пространства внешнеполитических установок.

В описании портрета «Остерегающихся» важно предпринять попытку определения точного расположения этой группы в пространстве внешнеполитических установок относительно «Сторонников» и «Противников» интеграции, т.е. на оси оценки: к какому из противоположных полюсов больше тяготеют «Остерегающиеся интеграции»?

Несмотря на то, что в континууме внешнеполитических установок расположились четыре различные категории граждан России: «Противники интеграции», «Остерегающиеся интеграции», «Равнодушные к интеграции», «Сторонники интеграции», в представлении опрошенных не существует резко отрицательного отношения к сближению с Евросоюзом. С одной стороны, это свидетельствует о не выраженности крайней негативной позиции по оси оценки идеи интеграции в Европейское пространство. С другой стороны, это говорит о сходстве мнений представителей разных групп. В свете этого, анализ на выявление предикторов принадлежности к кластеру особенно актуален. Предикторами

расположения в континууме могут стать характеристики членов групп. Среди характеристик важно выделить факторы, оказывающие влияние на внешнеполитические установки участников.

Измерение внешнеполитических установок не ограничивается исключительно фиксацией отношения респондентов к Европейскому пространству. Для углублённого понимания политических настроений населения России в опросе проверяются установки к странам Западной Европы в целом и США, а так же к странам бывшего СССР. Предполагается, что респонденты могут выразить одобрение либо односторонней направленности внешней политики России – в сторону Запада или территорий бывшего СССР, либо поддержать идею развития взаимоотношений и с западными странами, и со странами бывшего СССР.

60% населения выражают одобрение двустороннего развития политических и экономических отношений России с государствами Западной Европы и США – с одной стороны, со странами СССР – с другой.

В большей степени, нежели на Запад, на взаимоотношения со странами СССР настроены 33% участников исследования, приблизительно равномерно распределённые по четырём группам. 26% опрошенных основным приоритетом развития внешней политики России называют Запад Европы и США, и 31% из них входят в кластер «Сторонников интеграции» в Европейское пространство.

Кластер «Сторонников» на 21% состоит из приверженцев развития внешней политики России исключительно в сторону западных стран. Всего в выборке такого мнения придерживаются не более 13%, что подчёркивает значимость отношений со странами постсоветского пространства для большей части населения России.

Внешнюю политику, направленную на развитие экономических и политических отношений исключительно со странами бывшего СССР россияне поддерживают в два раза чаще (28%). Среди них 11% не знают о существовании ЕС, что отчасти объясняет этот показатель. Группа «Противников интеграции» на 35% состоит из тех, кто не желает развития отношений России со странами Запада. Всего в выборке таковых насчитывается 28%.

Ориентация развития политических и экономических отношений России

Тем не менее, вне зависимости от отношения к интеграции, внешнеполитические установки россиян схожи: в большинстве (60%) они поддерживают развитие политических и экономических отношений, как со странами постсоветского пространства, так и с Западной Европой и США. Явная выраженность оценки перспективы интеграции России в Европейское пространство может смещать приоритет развития внешней политики России. Так, 66% противников интеграции одобряют поддержание отношений со странами СССР, а сторонники в количестве 52% видят преимущество в развитии отношений с Западом (Европа и США). Для населения в целом, территория бывшего СССР представляется в большей мере значимой для основной ориентации внешней политики России (28%), нежели западные страны (13%).

Отсюда следует, что интеграция в Европейское пространство для многих жителей России подразумевает отстранение России от стран бывшего СССР в экономическом и политическом плане. Выраженность положительного мнения относительно интеграции в Европейское пространство часто свидетельствует о желании отдалиться от стран СССР (83%). И, наоборот, в случае отрицательного

отношения к интеграции, развитие отношений исключительно с Западными странами нежелательно для 91%.

3.3 Способы интеграции России и ЕС: отношение населения к различным стратегиям внешней политики страны

Основанием говорить о не выраженности крайней негативной позиции на оси оценки идеи интеграции в Европейское пространство через сближение с Евросоюзом служит анализ желаемых стратегий развития отношений между Россией и Евросоюзом. В этих вопросах жители России сходятся во мнениях, даже если принадлежат к кластерам «за» и «против» интеграции, находящимся по разные стороны континуума внешнеполитических установок.

Большинство представителей кластеров «Сторонников» (67%) и «Противников» (65%) считают, что интеграция России в ЕС должна осуществляться за счёт установления более плотного экономического сотрудничества со странами ЕС. Одновременно с этим, более 85% в каждом кластере не согласны входить в Еврозону. Создание единого визового пространства со всеми странами ЕС поддерживают меньше половины в каждом кластере (порядка 43%). Вхождение в Европарламент и Европравительство как часть процесса интеграции рассматривают лишь 10% от кластера «Сторонников интеграции». Из это следует, что для 90% поддерживающих идею интеграции России в Европейское пространство она не связана с интеграцией в Европейский союз на политическом уровне. Настолько же не желаемая политическая интеграция для противников сближения с Евросоюзом.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что интеграция в Европейское пространство мыслится отдельно в сферах экономических и политических мер. Это утверждение подкрепляется изучением восприятия состояния экономической ситуации и оценки политической ситуации, где через корреляционный анализ было установлено, что в восприятии жителей России между этими категориями отсутствует связь.

Пути интеграции в сфере социальных мер одобряются менее, нежели экономические, но чаще, чем политические. Участие России в совместных социальных программах с ЕС предполагают 25% поддерживающих интеграцию и 27% противников сближения с ЕС. «Сторонники интеграции» в количестве 30% от

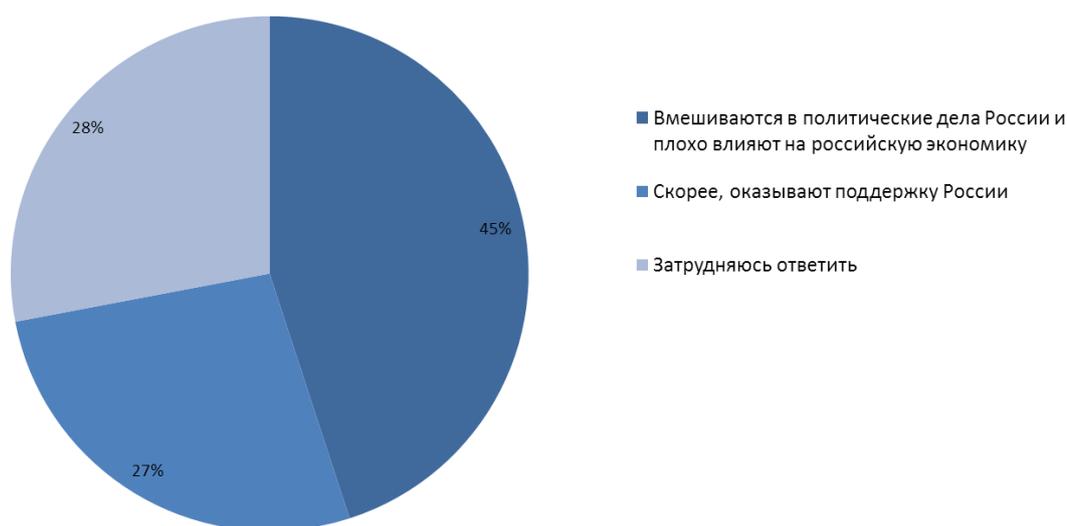
своего кластера считают необходимым создать единый рынок труда с ЕС, в чём с ними согласны 23% «Противников интеграции».

Из приведённых результатов следует, что для населения России интеграция в Европейское пространство не равнозначна вступлению в Евросоюз. Дело в том, что последнее производится на политическом уровне, в то время как наиболее важным аспектом процесса интеграции в представлении большинства россиян является развитие экономических отношений. При этом основной мерой должно стать установление более плотного экономического сотрудничества со странами ЕС.

Одновременно с этим, отношение к иностранным организациям и фондам среди населения России неоднозначно. Своё согласие с тем, что «иностранные организации и фонды вмешиваются в политические дела России и плохо влияют на российскую экономику» высказали 45% опрошенных. С утверждением, что «иностранные организации и фонды, скорее, оказывают поддержку нашей стране» согласны лишь 27%, а 28% не высказали согласия ни с одной из предложенных позиций.

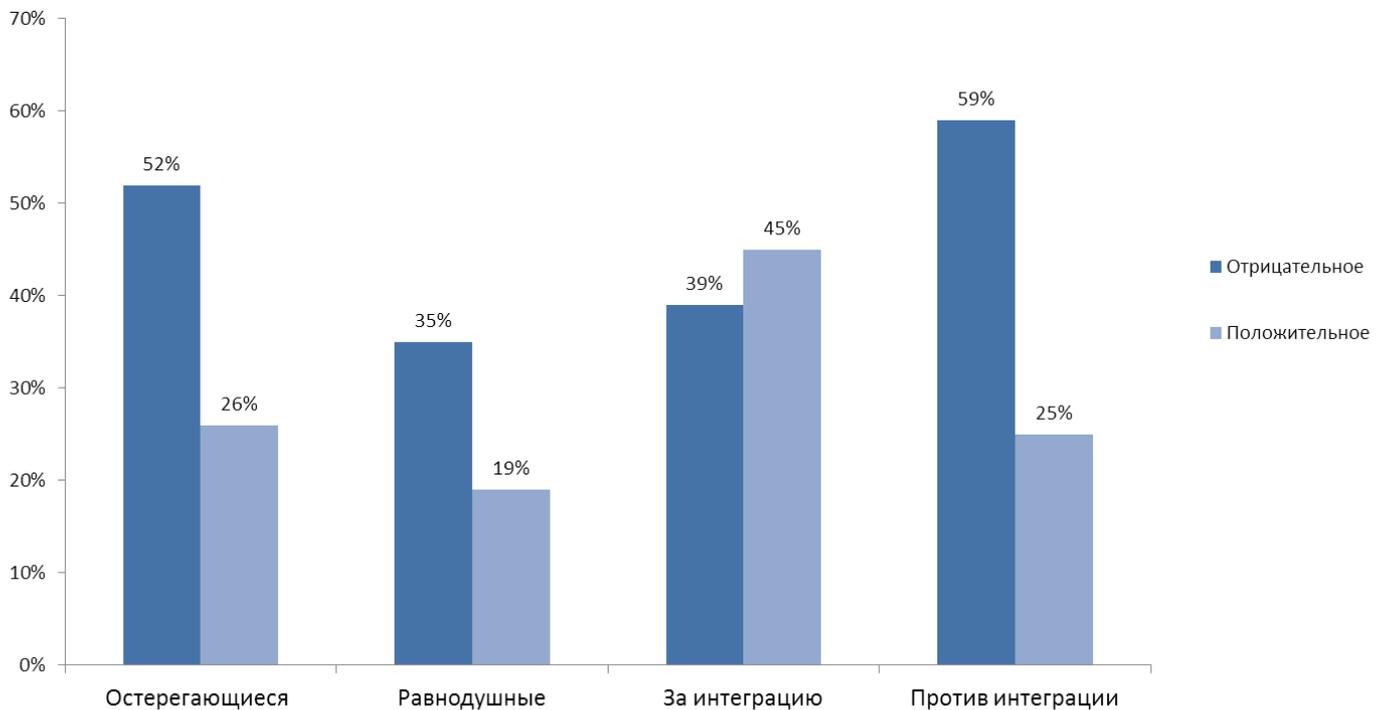
Диаграмма 7

Иностранные организации и фонды

Относительно этого вопроса единодушия не наблюдается и внутри четырёх выделенных групп (см. Диаграмму 8).

Отношение к иностранным организациям и фондам

Большая доля негативно настроенных по отношению к иностранным организациям и фондам распределилась по кластерам «Остерегающиеся» (52%) и «Противники интеграции» (58%). При этом около 25% представителей каждого из двух кластеров соглашались с их положительной ролью для России. Группа «Равнодушных» по своему отношению к иностранным фондам и организациям тяготеет скорее к полюсу «Противников» интеграции, хотя почти половина (45%) представителей этого кластера не высказала определённого мнения по этому вопросу.

В кластере «Сторонников интеграции» 45% согласны, что иностранные организации и фонды оказывают поддержку стране, хотя 39% придерживаются противоположного мнения. Разрыв в процентном соотношении двух диаметральных позиций в этой группе наименьший и составляет всего 6%. Это может свидетельствовать о том, что желаемое представителями кластера развитие экономических отношений со странами Запада не подразумевает под собой

расширение влияния зарубежных институций на внутреннюю политику и экономику России.

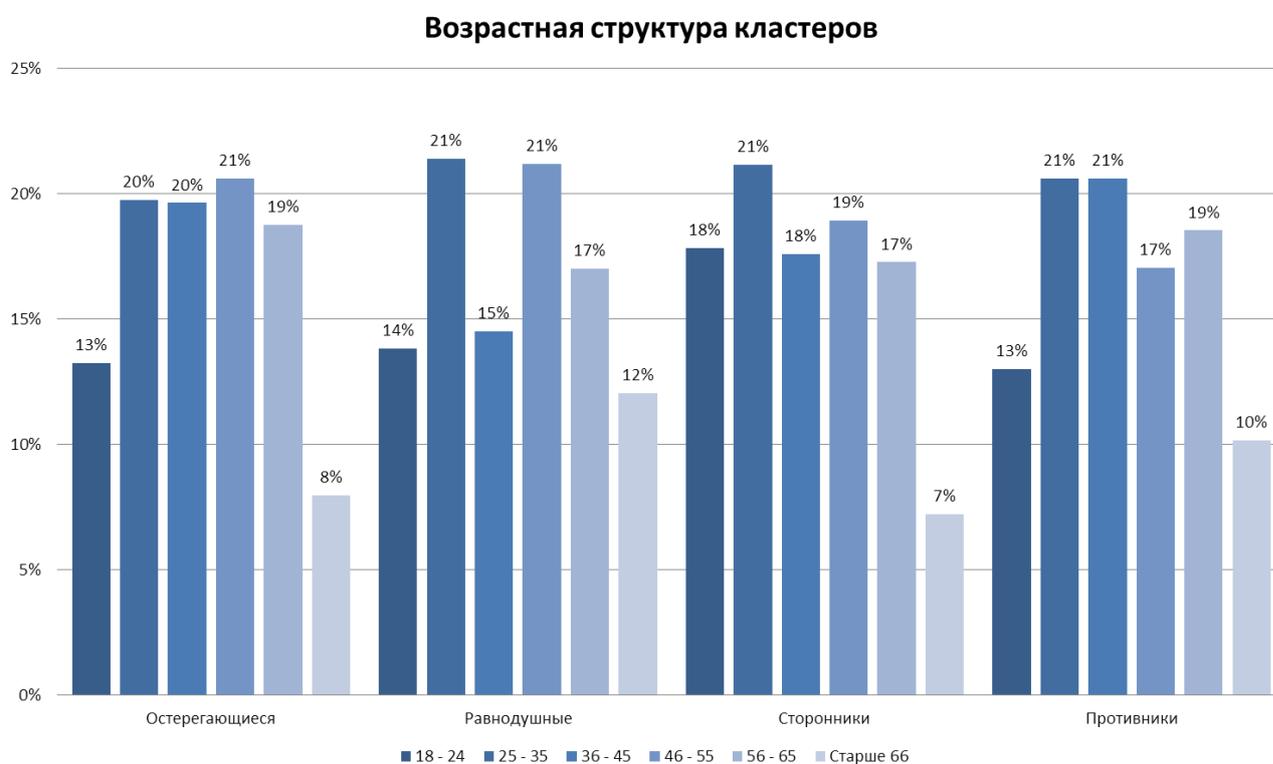
Из анализа одобряемых мер по сближению с Евросоюзом и отношения населения к зарубежным организациям и фондам выявилось, что экономическое сближение со странами Запада не может быть понято в смысле развития отношений с иностранными организациями и фондами. С одной стороны, меры по сближению в экономической сфере заручаются высокой степенью поддержки со стороны россиян, но с другой стороны, отношение к иностранным институциям неоднозначно даже среди «Сторонников интеграции».

Экономические меры по сближению с Евросоюзом необходимы и желаемы для участников опроса в целом, вне зависимости от их отношения к интеграции в Европейское пространство. Однако на социальном, и, особенно, политическом уровне, по мнению большинства участников опроса из групп «Сторонников» и «Противников интеграции» Россия должна оставаться обособленной.

В половозрастных структурах каждого кластера есть свои особенности. Среди «Сторонников» и «Противников» интеграции процент женщин меньше, чем в категориях «Равнодушных» (59%) и «Остерегающихся интеграции» (55%) и едва достигает отметок 50% и 48% соответственно.

Самым молодым кластером можно назвать «Сторонников интеграции». Более половины (56%) в этом кластере не старше 35 лет. Доля молодёжи возраста 18-24 равная 18% превышает средние показатели по выборке в целом (13%) и выделяется относительно других кластеров. В то же время количество молодых людей старше 25 лет (до 35 лет) не значительно превышает показатели в других кластерах и находится на уровне 21% (См. Диаграмму 9).

Наибольший процент людей старше 65 лет (12%) наблюдается в группе «Равнодушных». Однако в целом представители предпенсионного и пенсионного возраста (старше 55) распределены по кластерам равномерно на уровне порядка 30%, за исключением «молодого» кластера «Сторонников интеграции».

Возрастное распределение респондентов мало говорит об особенностях установок по кластерам, хотя перевес молодёжи в кластере «Сторонников» свидетельствует о том, что значительная часть молодого поколения россиян (37%) открыта восприятию идеи об интеграции в Европейское пространство и воспринимает её скорее положительно.

Доходы и образование

Кластер «Сторонников интеграции» помимо многочисленности отличается тем, что более 46% его представителей имеют высшее образование. Образование 31% членов кластера находится на уровне среднего специального, остальные имеют среднее (19%) или неполное среднее (4%) образование.

В кластер «Противников интеграции» на 40% состоит из индивидов с высшим образованием, 37% занимают специалисты со средним образованием и порядка 24% приходится на людей с полным и неполным средним образованием.

Группа «Остерегающихся интеграции» на 40% состоит из выпускников ВУЗов, а 38% его членов имеют среднее специальное образование. Доля людей с неполным средним образованием в этом кластере минимальная и составляет всего

2,5%. Этот кластер справедливо считать образованным примерно на уровне кластера «Сторонников интеграции».

Среди группы «Равнодушных к интеграции» доля людей с высшим образованием самая малочисленная – 37%, при этом доля людей, получивших неполное среднее и среднее образование оставляет 28%. Кластер насчитывает 35% людей со средним специальным образованием.

Доли людей с разным уровнем образования примерно равномерно распределены по кластерам. Регрессионный анализ подтвердил наблюдение о том, что переменная образования не влияет на принадлежность к кластерам. Тем не менее, изучая структуру доходов членов кластеров, важно учитывать структуру образованности.

Структура доходности кластеров

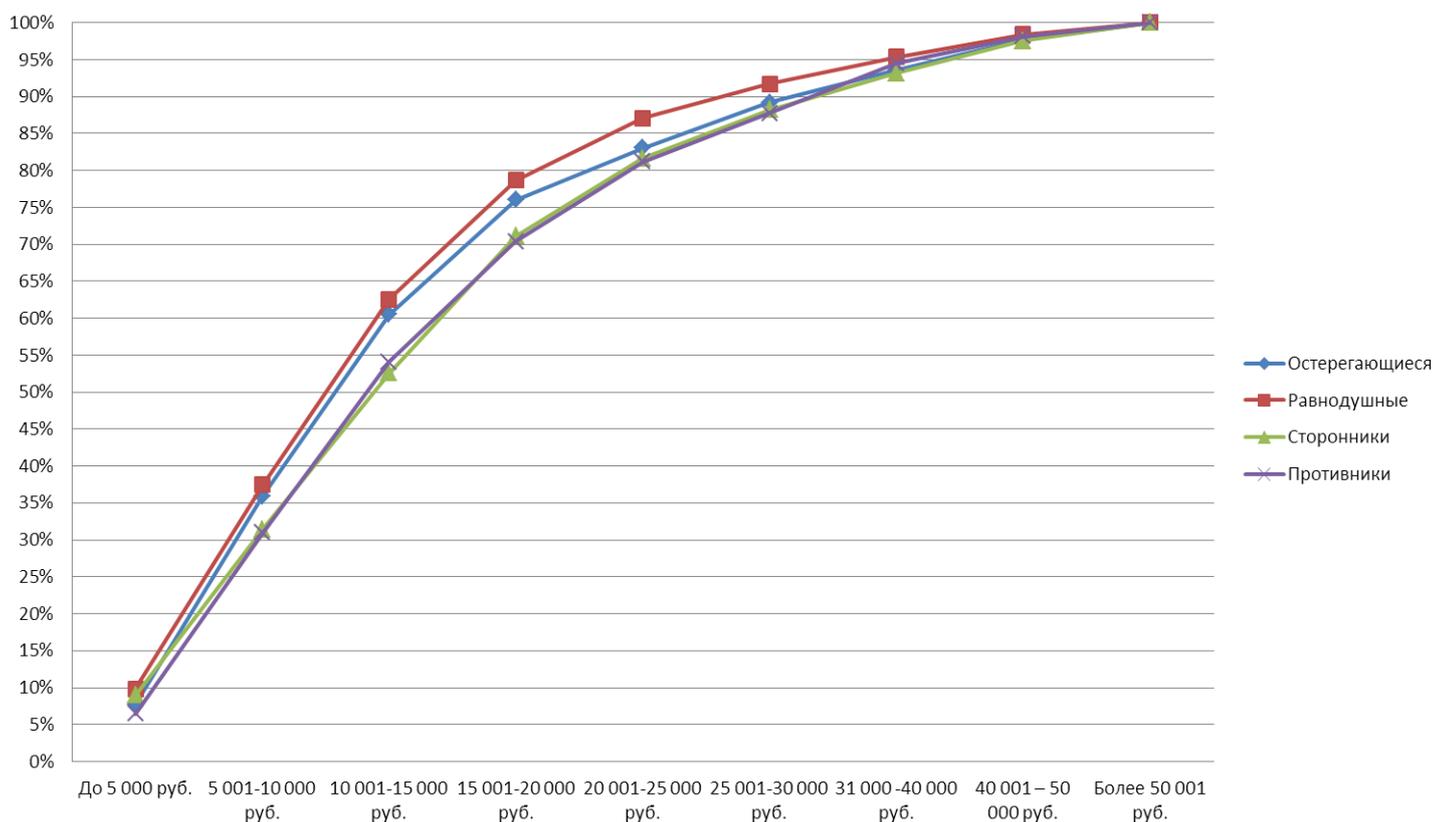

Диаграмма 10

Из графика видно, что доходы в группах «Равнодушных» к интеграции в среднем меньше остальных групп. Это может объясняться более низким уровнем образования в этом кластере. В группах «Равнодушных» и «Остерегающихся» доля

людей, ежемесячно проживающих на сумму менее 15 тысяч рублей составляет 60% в то время как среди «Сторонников» и «Противников» интеграции таковых половина (50%). В целом, структура доходов одинакова для всей выборки. Доходность, как и образование, не являются предикторами характера и выраженности отношения индивида к идее интеграции России в Европейское пространство.

Профессиональная принадлежность

Другой индивидуальной характеристикой респондентов, которая может формировать кластерную идентичность, является сфера деятельности. Для более наглядного представления профессиональных групп в контексте внешнеполитических установок, решено описать их распределение по кластерам.

Наименьшая и наибольшая степень присутствия той или иной профессиональной группы в одном из четырёх кластеров служат характеристикой кластера с точки зрения сфер занятости входящих в него членов. Максимальные и минимальные доли определённых профессионалов в том или ином кластере позволяют выявлять закономерности и связи профессиональной деятельности с установками на уровне кластеров. Допускается возможность незначительных различий степени присутствия определённых профессий в кластерах. В таких случаях знание профессиональной сферы не даёт возможности судить о вероятности для её представителей принадлежать к одному из кластеров.

Так, примечательно, что к «Остерегающимся» относятся 54% военнослужащих, 45% сотрудников правоохранительных органов, 30% фрилансеров, 45% средних и крупных, а также 27% мелких предпринимателей (владельцев бизнеса). Сюда же включается большая часть (37%) безработных. Надо отметить, что положение каждой из перечисленных групп значительно зависит от политики государства.

Внешнеполитические меры по интеграции в Европейское пространство могут повлиять на институты военных структур и правоохранения, поэтому военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, будучи напрямую подчинены государству, испытывают неопределённость влияния перспектив интеграции России в Европейское пространство на их личное положение. Фрилансеры и предприниматели тоже испытывают неопределённость выигрышей \ проигрышей для себя в связи с интеграцией в Европейское пространство, но по

противоположным причинам. Обе эти группы в наименьшей степени связаны с государственными институциями, но находятся в зоне повышенных экономических и социальных рисков. Преобразование сфер экономических и социальных отношений в процессе сближения с ЕС и интеграции России в Европейское пространство может поставить предпринимателей и свободных работников в новые условия труда и экономической деятельности. Оценить преимущества таких преобразований для обеих групп на данный момент времени нелегко, отчего значительное число их представителей не занимают крайних полюсов в континууме установок относительно интеграции в Европейское пространство, попадая в кластер «Остерегающихся».

Касательно безработных, можно предположить, что эти граждане на момент опроса не были готовы соотнести идею интеграции с влиянием на собственную (как минимум) профессиональную жизнь, отчего заняли промежуточную позицию «Остерегающихся». Кроме этого, безработные часто находятся на попечении государства и их социальная защищённость зависит от его политики по отношению к ним. Таким образом, идея интеграции может одновременно настораживать и обнадеживать, вследствие чего в позиции этой группы населения нет определённости.

«Равнодушными к интеграции» являются около 30% пенсионеров и инвалидов, 28% наёмных офисных работников, 36% студентов, 36% находящихся дома по уходу за ребёнком. Основным аргументом для обоснования безразличной позиции этих групп населения может выступать недостаточная информированность и ограниченность возможностей проявлять социально-политическую активность (как и для «Незнающих о ЕС»). Всего 16% владельцев бизнеса (3% крупных и 13% мелких предпринимателей) и 5% военнослужащих входят в этот кластер, что позволяет заключить, что предприниматели и военные реже остальных групп бывают абсолютно безразличны к вопросам внешней политики России. Причиной этому выступает чувствительность сфер их занятости к политике государства и в большинстве случаев вовлечённые в них люди осознают это, не оставаясь равнодушными, в частности, к вопросам интеграции России в Европейское пространство.

«Противниками интеграции» выступают 40% (13% - средний и крупный и 27% мелкий бизнес) предпринимателей, а также 36% руководителей высшего звена.

Большая часть (38%) рабочих сельского хозяйства, лесной и рыбной промышленности высказывается против интеграции. 50% домохозяек принадлежат к этой группе. Меньше других интеграции противостоят сотрудники правоохранительных органов (15%), фрилансеры (18%) и студенты (14%).

Напротив, поддерживают интеграцию 34% владельцев малого и 39% среднего и крупного бизнеса. 33% руководителей высшего звена высказываются за интеграцию в Европейское пространство. Почти треть (32%) студентов являются «Сторонниками интеграции», как и 30% военнослужащих. Реже всего согласны с идеей интеграции рабочие сельского хозяйства (19%), домохозяйки (15%), менеджеры среднего звена (18%) и наёмные офисные работники (17%).

Примерно равное распределение в кластерах на уровне 20-30% получили две профессиональные сферы. В каждом кластере присутствуют 22-29% работников физического труда и порядка 25% не офисных работников, занятых физическим трудом. В массиве эти группы наиболее многочисленны, и поэтому их представителей стоит описать более подробно, учитывая, что их установки (т.е. принадлежность к кластерам) не могут быть прояснены через анализ сфер занятости.

Результатом анализа занятости опрошенных является наблюдение, что в кластер «Остерегающихся» входят значительные доли профессиональных групп, широко представленных в кластере «Сторонников интеграции». Иными словами, в случае предпринимателей (владельцев малого, среднего и крупного бизнеса), свободных работников (фрилансеров), военнослужащих и работников правоохранения большинство либо остерегаются интеграции, либо поддерживают её. Например, 74% владельцев среднего и крупного бизнеса и 61% мелких предпринимателей относятся к «Остерегающимся» и «Сторонникам». Этот факт позволяет предположить, что в категорию «Остерегающихся» могут попадать положительно настроенные, но недостаточно уверенные в своих представлениях об интеграции индивиды, отчего степень выражения мнения более низкая, нежели в случае кластера «Сторонников». Другим подкреплением служит пример профессиональной группы военнослужащих, 30% которых являются частью кластера «Сторонников интеграции», хотя больше половины (54%) относятся к «Остерегающимся».

Приведённые статистические данные позволяют рассматривать кластер «Остерегающихся» как находящейся скорее в четверти положительного отношения к идее интеграции России в Европейское пространство.

Сравнивая кластеры «Противников» и «Сторонников», можно отметить, что по структуре они также близки друг другу. Среди населения России выделяются определённые сферы занятости, представители которых наиболее ясно выражают своё мнение относительно интеграции в Европейское пространство. Тем не менее, мнения представителей одной и той же сферы занятости могут расходиться. Максимальный разрыв в долях фиксируется в группах домохозяек, где 50% противостоят интеграции, и лишь 16% поддерживают её. Велика разница во мнениях владельцев среднего и крупного бизнеса: почти 40% из них относятся к «Сторонникам», и лишь 13% противятся интеграции России в Европейское пространство. Среди рабочих сельского хозяйства, рыбной и лесной промышленности тоже достаточно ярко проявляется анти-интеграционный настрой (38%), хотя поддерживающих интеграцию среди них тоже немало (19%). Меньше однозначности в среде мелких предпринимателей, 27% которых относятся к «Противникам интеграции», а 34% к «Сторонникам». Доли противоположно настроенных руководителей высшего звена практически равны (33% «Сторонников» и 36% «Противников»). Среди специалистов 27% поддерживают интеграцию, а 29% высказываются против неё.

Таким образом, перечисленные сферы занятости характеризуются высокой степенью выраженности внешнеполитических установок потому что более половины опрошенных из соответствующих профессиональных групп принадлежат к кластерам «за» и «против» интеграции.

Менеджеры среднего звена в меньшей степени выражают как позитивные, так и негативные оценки идеи интеграции. Лишь 18% из них входят в число «Сторонников интеграции», и 20% числятся в кластере «против» интеграции. Наёмные офисные служащие редко поддерживают интеграцию (17%), одна четвёртая часть (25%) противостоят ей, но более 50% этой профессиональной группы слабо выражают мнение по данному вопросу, попадая в кластер «Остерегающихся интеграции» (30%) и «Равнодушных» к ней (28%).

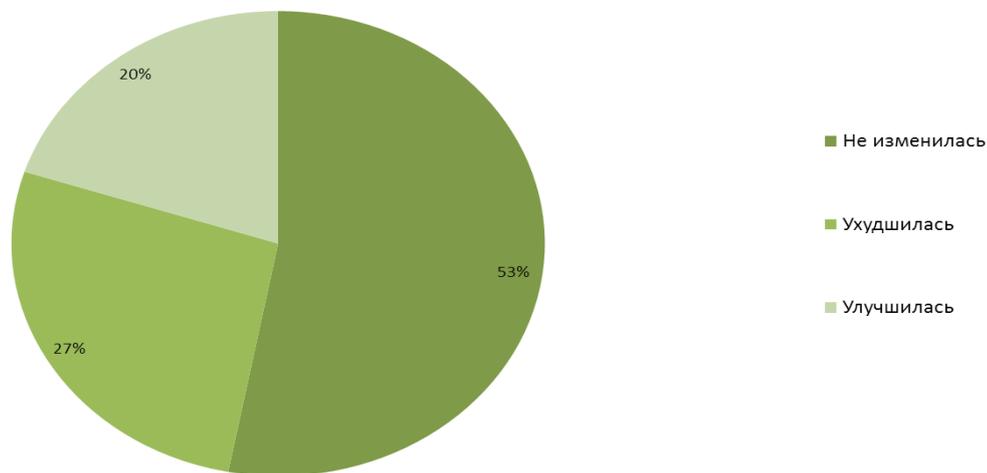
Представленное описание вносит ясность в портреты граждан, занимающих определённую позицию относительно интеграции в Европейское пространство,

однако для анализа факторов, влияющих на внешнеполитические установки россиян, необходимо обратиться к другим статистическим данным опроса.

За отрицательным или положительным отношением к интеграционным процессам России в пространство Европы в случае каждой из выделенных групп стоят факторы, подлежащие раскрытию и определению. Поскольку анализ социодемографических показателей обнаружил лишь статистические закономерности и локальные корреляции переменных возраста, образования и профессии, необходимо более тщательно рассмотреть данные по вопросам политического характера. Помимо ключевых для кластеризации вопросов, в этот перечень включаются темы поддержки политических партий, политической активности, оценки политической ситуации. Предположительно, раскрыть сущность четырёх позиций в континууме внешнеполитических установок удастся через подробное изучение политических настроений участников опроса.

Более половины (53%) жителей России считают, что политическая ситуация в стране на протяжении последних 5 лет остаётся стабильной, меньшая часть делится на тех, кто отмечает ухудшение политической ситуации – 27%, и тех, кто придерживается мнения, что она улучшилась (20%).

Оценка политической ситуации России за последние 5 лет

Стабильность политической ситуации расценивается скорее позитивно – 23% населения на момент проведения опроса выражала удовлетворённость ею, отмечая отсутствие каких-либо изменений.

Подкрепляет вывод о ценности политической стабильности в стране относительно широкая распространённость (38%) «боязни нестабильности» как причины участия в митингах, поддерживающих действующую власть.

Рассматривая жизненные стратегии россиян в связи с их отношением к политической ситуации, необходимо также коснуться эмиграции. В следующие 5 лет переехать за границу на постоянное место жительства планируют 10% опрошенных, среди которых числятся как неудовлетворённые состоянием российской политики, так и удовлетворённые им. Доля неудовлетворённых политической ситуацией среди планирующих переезд составляет 63%, в то время как удовлетворённые политической ситуацией лишь в 39% случаев высказывают намерение покинуть Россию. Тем не менее, эмиграционное поведение россиян не связано со степенью удовлетворённости политической ситуацией и не может отражать политические установки опрошенных граждан.

Политические настроения граждан могут быть исследованы через анализ положения России на мировой политической арене, потому что в восприятии населения состояние политической ситуации в России связано с количеством

дружественно и враждебно настроенных государств. Так, улучшение политической ситуации для 37% опрошенных означает рост числа дружественных государств, и, напротив, увеличение государств настроенных враждебно делает политическую ситуацию в стране хуже для 42% населения. Стабильность политической ситуации для 57% россиян сопряжена с отсутствием изменений в соотношении «друзей» и «врагов» на мировой политической арене.

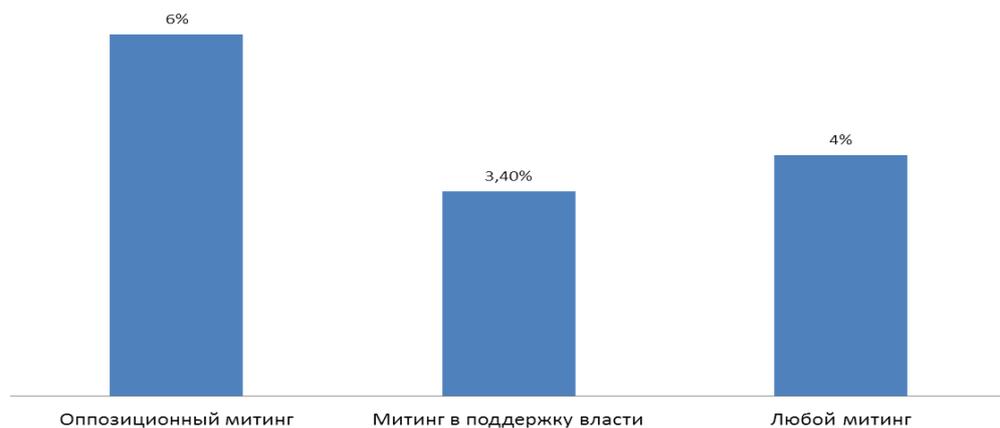
Представление о соотношении «враждебно» и «дружелюбно» настроенных к России государств сказывается на удовлетворённости политической ситуацией. Так, 60% удовлетворённых политической ситуацией отмечают рост числа дружественно настроенных государств, а 64% недовольных положением российской политики считают, что в последние 5 лет к России стало враждебно относиться большее число государств.

Значение двустороннего развития внешней политики России в отношении с Западом и со странами бывшего СССР из вышеприведённого анализа внешнеполитических установок россиян может быть рассмотрено под новым углом. Поскольку потеря дружественных государств приводит к ухудшению политической ситуации в стране с точки зрения граждан, односторонняя ориентация международных отношений России проигрывает политике поддержания взаимоотношений как со странами Запада, так и со странами территории СССР.

Хотя доля участвующих в митингах в выборочной совокупности невелика и составляет 5%, имеет смысл рассмотреть выделенные кластеры с точки зрения политической активности её членов. Изучение политической активности обуславливается статистикой готовности участвовать в митинге: более 13% опрошенных выразили такое желание (см. Диаграмму 12).

Наибольшая доля участников оппозиционных митингов принадлежит к кластеру «Сторонников интеграции» и составляет в нём 2,5%. Готовность принять участие в митинге оппозиции высказывают почти 9%. Чаше остальных представители этого кластера посещают также митинги в поддержку власти (1,5%) и 4% являются потенциальными митингующими. Примечательно, что представители группы «Сторонников» вдвое больше остальных (12% против 6%) уверены в том, что своими усилиями могут повлиять на улучшение политической ситуации в стране.

Готовность участвовать в митинге

«Равнодушные» к интеграции тоже чаще присутствуют на митингах против власти (2%), чем в её поддержку (0,6%), но в меньшей степени, нежели члены других кластеров, согласны с перспективой участия в них: 4,2% - за оппозицию, 2% - в поддержку власти. Чуть меньше составляет разрыв между долями митингующих среди «Остерегающихся»: 2% против 1,1%. Планы на участие в митингах повторяют это соотношение: более 6% выступят против действующей власти, а 2,6% поддержат её. Противники интеграции менее остальных склонны участвовать в митингах: 1,5% из них выходили на оппозиционные митинги, 0,7% - за власть. Принять участие в митинге оппозиции собираются 7%, одновременно с чем 5,5% готовы выступить в поддержку власти в ближайшем будущем.

Приверженцы интеграции наиболее политически активны, и более 17% из них выражают готовность поддерживать вовлечённость в митинговые движения. Одновременно с этим, 31% приверженцев интеграции поддерживают различные общественные движения и политические партии – как правящие, так и оппозиционные.

Наименьшую совокупную активность в политических митингах демонстрируют противники интеграции, хотя именно они чаще остальных (5,5%) оказались готовы поддержать действующую власть на момент проведения опроса. К политически неактивным относится группа «Равнодушных». Низкая готовность принимать участие в политических движениях со стороны его представителей может

считаться характерной чертой этого кластера, обусловившей его название. Для более полного понимания политической активности рассматриваемых групп населения стоит перейти к восприятию мотивов участия в митингах членами кластеров.

Самой популярной причиной участия в митинге против действующей власти для групп «За» и «Против» интеграции является «недовольство политической ситуацией в стране»: 30% и 25% соответственно.

В группах «Остерегающихся» и «Равнодушных» она стоит лишь на третьем месте после «недовольства уровнем жизни», а первой по значимости причиной является «недоверие результатам выборов». В этих показателях восприятия митинговой активности наблюдается заметное сходство этих двух кластеров с группой «Незнающих о Евросоюзе». В этой же группе «приверженцев» и «противников» интеграции выделяются на фоне остальной части населения.

Хотя доли тех, кто считает «недовольство политической ситуацией» главной причиной участия в оппозиционных митингах соотносятся примерно одинаково в обеих этих группах, настроения представителей этих групп к митингам оппозиционного характера различно по восприятию других возможных причин митинговой активности.

Противники интеграции чаще представителей других кластеров придерживаются мнения, что «участие в митинге было оплачено» (7,6%) и митингующие оппозиционеры «вышли просто так, от нечего делать» (7%). В кластере «сторонники интеграции» лишь 2,8% склоняются, что главной причиной была оплата участия в митинге, и только 3% утверждают, что участники «вышли просто так, от нечего делать».

Что касается митингов в поддержку власти, эти же причины наиболее часто упоминаются вновь противниками интеграции: «участие в митинге было оплачено» как главную причину отметили 16%, а версию «вышли просто так, от нечего делать» выбрали 4,5%. С этими значениями сравнимы оценки популярности этих причин у «Остерегающихся» и «Равнодушных». Менее скептичны представители кластера «сторонники интеграции»: 12% назвали главной причиной оплату участия в митинге за действующую власть и лишь 3% выразили уверенность, что митингующие «вышли просто так, от нечего делать». При этом «Сторонники интеграции» чаще представителей других кластеров склонны полагать, что участники митингов поддерживают политику действующей власти (27%). «Противники интеграции»

выбирают этот вариант в 24% случаев, а среди «Остерегающихся» с ним согласны 21,6%.

«Равнодушные» наименее охотно отвечают на вопрос о причинах участия в митингах: 17% из них затрудняются, а «поддержку политики действующей власти» как основную причину участия на митинге выбирают 19% опрошенных из этого кластера.

Полученные данные позволяют говорить о скептическом отношении членов кластера «Противники интеграции» к активности на митингах независимо от их характера. Похожие настроения выражают группы «Остерегающихся» интеграции и «Равнодушные» с поправкой на различия в восприятии ключевых причин участия в митингах, в котором эти два кластера отличаются от кластеров с крайними установками относительно интеграции в Европейское пространство.

Между группами заметна разница относительно участия в политических голосованиях: люди с наиболее выраженной позицией по поводу интеграции, т.е. представители кластеров «за» и «против» интеграции, реже остальных принимают участие в выборах на пост президента и в государственную думу. Эти различия не слишком значительные и могут объясняться особенностями выборочной совокупности, что не позволяет игнорировать политическую активность на выборах в дальнейшей работе с данными.

Анализ политической активности членов кластеров с различными установками относительно интеграции в Европейское пространство демонстрирует различия между представителями кластеров. Из данных по участию в оппозиционных движениях и готовности к таковому следует, что политика действующей власти скорее расходится с внешнеполитическими установками «Сторонников интеграции». При этом они в большей степени, чем остальные россияне, вовлечены в митинговые движения и воспринимают эту активность в первую очередь как выражение определённых политических убеждений.

«Противники интеграции», выражая лояльность к действующей власти через готовность к митинговой активности в её поддержку на уровне 5,5%, всё же демонстрируют скептическое отношение к участию в митингах вне зависимости от их характера.

Без особой готовности к лоббированию своих политических интересов через митинги представлена группа «Равнодушных» к интеграции. Этот факт

подтверждает их отстранённость от политической сферы жизни общества. Затруднение в понимании политических установок россиян возникает при рассмотрении группы «Остерегающихся», которая кажется подвешенной в континууме полюсов «за» и «против» действующей власти равно так же, как относительно самого процесса интеграции в Европейское пространство.

Итак, в рамках настоящей научно-исследовательской работы был проведён подробный дескриптивный анализ внешнеполитических установок населения России. На основе кластеризации были выделены 4 категории россиян в зависимости от их установок по отношению к интеграции в Европейское пространство.

Две группы характеризуются наиболее выраженными позициями относительно интеграции в Европейское пространство и получили названия «Сторонников» и «Противников» интеграции. Эти группы находятся на противоположных полюсах одобрения и противостояния сближения России и Европейского союза. «Сторонники интеграции» представлены в массиве данных Евробарометр-2012 в количестве 31%, «Противники интеграции» насчитывают 25% выборки. На промежуточных позициях удалось выявить две группы: «Остерегающиеся интеграции» (20%) и «Равнодушные к интеграции» (25%). При этом «Остерегающиеся» тяготеют к положительному полюсу двумерного континуума по оси оценки идеи интеграции в Европейское пространство, хотя занимают низкую позицию по оси выраженности этой оценки. Позиция «Равнодушных к интеграции» находится на пересечении осей выраженности и оценки перспектив внешней политики России в отношении Европейского союза. Эта часть населения пассивна в сфере политики и близка к части населения не имеющих представления о Евросоюзе, которая охватывает почти треть респондентов.

Каждая категория была проанализирована с точки зрения социально-демографических характеристик, из которого утвердились особенности групп. Так установилась близость группы «Равнодушных» и «Незнающих о ЕС» в ряде показателей. Структура группы «Равнодушных» по количеству пенсионеров и инвалидов (27%) более остальных приближена к части населения «Незнающих». Это сходство позволяет предполагать, что безразличие к политике в группе «Равнодушных» связано с невозможностью занимать активную социально-политическую позицию ввиду физических и социальных ограничений. Уровень образования в этих группах относительно ниже, чем в других. Поскольку

переменная образования не оказывает прямого влияния на принадлежность к кластерам, эффект может быть лишь опосредованным спецификой образа жизни, низкой степенью включённости в определённые политические и социальные дискурсы.

Среди параметров, определяющих соотношение четырёх кластеров в пространстве континуума, может быть названа сфера профессиональной деятельности. Установлено, что россияне, вовлечённые в деятельность с повышенными экономическими рисками и заниженной социальной защищённостью редко бывают равнодушны к вопросам внешней политики России. Зависимость от государства – профессиональная или социальная также может быть названа предиктором выраженности установок россиян.

Данные настоящего отчёта позволят прогнозировать отношение населения Российской Федерации к различным мерам внешней политики, а также послужат обоснованием для направления внешнеполитических мер России. Приведённые выводы свидетельствуют о важности рассмотрения России в контексте мирового сообщества для лучшего понимания гражданских позиций россиян. В разной степени, население страны готово выразить мнение относительно интеграции России в Европейское пространство

Заключение

Целью представленного исследования являлось изучение спектра внешнеполитических установок россиян в отношении интеграционного процесса между странами Европейского союза и Россией. Такая постановка вопроса имплицитно содержит три важных смысловых блока, в логике которых был выстроен текст работы.

Во-первых, это концептуализация понятия национального государства. Такой теоретический ход позволил нам обратиться к контексту процесса интеграции и поднять дискуссионный вопрос об ослаблении государств-наций в контексте глобализационных процессов.

Во-вторых, разработка категориального аппарата, позволяющего описывать процесс интеграции в единой логике. Так, рассматривается понятие границы как фундаментальная идея, стоящая за любыми концепциями интеграции. Рассмотрение этой аналитической единицы позволило нам обращаться как к теме внутренних связей и барьеров в регионе интеграции, так и к проблемам отношений с соседями региона.

В-третьих, выделение континуума внешнеполитических установок россиян на основе анализа эмпирических данных. Спектр установок населения по отношению к процессам интеграции России и европейских стран представлен четырьмя кластерами: «сторонники интеграции» (31%), «равнодушные к интеграции» (24%), «остерегающиеся интеграции» (20%), «противники интеграции» (25%). При этом готовы высказываться, выносить суждения о процессе интеграции не все – прежде всего, это политически активные граждане, принимающие и готовые принимать участие в митингах, поддерживающие политические партии и движения.

В представленной работе анализируется, какие меры внешней политики России вызывают одобрение или неодобрение у населения. В рамках категориального аппарата, выстроенного с использованием концепта границы, континуум внешнеполитических установок может быть переложен на ось «транспарентность границ» - «оборонительные, защитные свойства границ». Так, часть населения с позитивной оценкой процесса интеграции, говоря о ней, будет рассуждать в модусе «преодоления преград», а значит, возникновения

возможностей. Другая же группа россиян воспринимают границу как возможность оградиться, защитить. В таком случае, речь о рисках, сопутствующих интеграции.

Если говорить о содержании внешнеполитических мер, то из ответов респондентов становится очевидным, что наибольшей поддержкой пользуются меры экономического характера, в то время как меры по политическому сближению с Европейским союзом воспринимаются негативно. Так, абсолютное большинство (90%) высказывается против вхождения России в Европарламент.

В работе было предпринято объяснение позитивных и негативных установок граждан в каждой из групп. По сути, речь идет о различном понимании интеграции, субъективном «фокусировании» на тех или иных ее формах, аспектах. Единогласны респонденты лишь в том, что нежелательна политическое сближение (как угроза суверенитету, потеря самостоятельности). В то время как экономическая интеграция в глазах населения имеет преимущества. Соответственно, неоднородность установок в отношении интеграции может объясняться контекстом и контентом этого понятия, которые по-разному различаются людьми. Также объяснением негативных установок служит «историко-культурное» изменение процесса интеграции, когда для большинства (60%) респондентов значимо историческое наследие – дружественные связи со странами бывшего СССР. В этом смысле интеграция с западом воспринимается как разрыв с исторически оправданным вектором развития (в том числе развития международных отношений).

Список литературы

1. Haas Ernst B. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950-57. Stanford, 1968
2. Heinemann-Gruder A. Is Russias Federalism sustainable? // Perspective on European politics and society. – L., 2002. – Vol. 3, N 1. – P. 70–83.
3. Андерсон, М. Границы Европейского Союза [Электронный ресурс] / М. Андерсон // Материалы конференции «40 лет Римским договорам: Европейская интеграция и Россия» - 1997. – Режим доступа: <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/anderson.html>
[кэшированная версия страницы по состоянию на 7 сентября 2013 года]
4. Бауман З. Национальное государство - что дальше? [электронный ресурс] / З. Бауман // Отечественные записки. - 2002. - № 6. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/nacionalnoe-gosudarstvo-v-chto-dalshe> [ссылка действительна 30.06.2013]
5. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма - ответы на глобализацию / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 14-15.
6. Блинов, А.С. Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка / А.С. Блинов. - М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 13.
7. Борко, Ю.А. Эволюция взглядов на европейскую интеграцию в СССР и России: политический и научный подходы / Ю.А. Борко // Материалы конференции «40 лет Римским договорам: Европейская интеграция и Россия» - 1997. – Режим доступа: <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/borko.html>
[кэшированная версия страницы по состоянию на 7 сентября 2013 года]
8. Боуз, Д. Либертарианство: История, принципы, политика / Д. Боуз. – Челябинск: Социум, Sato Institute, 2004. – С. 107 (392)
9. Бусыгина, И.М. Региональная политика Европейского Союза: итоги 40-летней деятельности; опыт для России / И.М. Бусыгина // Материалы конференции «40 лет Римским договорам: Европейская интеграция и Россия» - 1997. – Режим доступа:

<http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/bussygina.html>

[кэшированная версия страницы по состоянию на 7 сентября 2013 года]

10. Буторина О. В. Понятие региональной интеграции: новые подходы//Космополис. 2005. № 3 (13) [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.polit.ru/research/2006/04/10/butorina.html>
11. Буторина О. В. Понятие региональной интеграции: новые подходы//Космополис. 2005. № 3 (13) [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.polit.ru/research/2006/04/10/butorina.html>
12. Дубровин, Д. Приняв Хорватию, Евросоюз завершил цикл расширения по меньшей мере до конца десятилетия // Официальный портал информационного агентства «ИТАР-ТАСС» - Дата публикации на портале: 01.07.2013. – Режим доступа: <http://www.itar-tass.com/c188/790979.html>
13. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение [Электронный ресурс] / Э. Дюркгейм. – М: Канон, 1995. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Durkgeim/Soc_intro.php
14. Капусткин, В.И., Сутырин, С.Ф. Европейский Союз как фактор экономического развития России / В.И. Капусткин, С.Ф. Сутырин // Материалы конференции «40 лет Римским договорам: Европейская интеграция и Россия» - 1997. – Режим доступа: <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/kapustkin.html>
[кэшированная версия страницы по состоянию на 7 сентября 2013 года]
15. Клемин, А.В. Формирование единого европейского правопорядка: некоторые итоги / А.В. Клемин // Материалы конференции «40 лет Римским договорам: Европейская интеграция и Россия» - 1997. – Режим доступа: <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/klemin.html>
[кэшированная версия страницы по состоянию на 7 сентября 2013 года]
16. Клемин, А.В. Формирование единого европейского правопорядка: некоторые итоги / А.В. Клемин // Материалы конференции «40 лет Римским договорам: Европейская интеграция и Россия» - 1997. – Режим доступа: <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/klemin.html>
[кэшированная версия страницы по состоянию на 7 сентября 2013 года]
17. Косов, Ю.В. Проблема европейской безопасности в современном российском обществе: целостные приоритеты и внешне политическая значимость / Ю.В. Косов // Материалы конференции «40 лет Римским договорам: Европейская

- интеграция и Россия» - 1997. – Режим доступа: <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/kosov.html>
- [кэшированная версия страницы по состоянию на 7 сентября 2013 года]
18. Лисовская, Г.В. Развитие представлений о национальном государстве в истории политико-правовой мысли / Г.В. Лисовская // Философия права. - 2011. - № 4. - С. 118.
  19. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества [Электронный ресурс] / Н. Луман // Социо-Логос. — Вып. 1. — 1991. – Режим доступа: URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2970>
  20. Манн, М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание / М. Манн // Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; Пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – С. 381.
  21. Мегилл, А. Границы и национальное государство: предварительные заметки / А. Мегилл // Диалог со временем. – 2010. – № 30. – С. 44 (42-58)
  22. Межевич, Н.М. Границы в современном мире: новые качества в условиях глобализации / Н.М. Межевич // Псковский регионологический журнал. – 2006. – №3. – С. 8 (3-13)
  23. Мещерякова О.М. Понятие «наднациональность» и суверенитет государств-членов Европейского Союза // Вестник РУДН: Серия: «Юридические науки». – М.: Изд. РУДН, 2007, №3. – С. 58-63
  24. Пархалина, Т.Г. Развитие сотрудничества между Россией и Европейским Союзом / Т.Г. Пархалина // Актуальные проблемы Европы. - 2000. - 3(2000). - С. 254
  25. Побединский И. М. Концептуальные основы интеграционных процессов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – СПб.:Изд. Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, 2008, № 86. – С.32-38
  26. Побединский И. М. Концептуальные основы интеграционных процессов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – СПб.:Изд. Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, 2008, № 86. – С.32-38

27. Рыжков, Д.А. Базовые европейские ценности: роль в двусторонних отношениях между Россией и Европейским Союзом / Д.А. Рыжков // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 7 (26). – Ч. II. – с. 125-128
28. Стрежнева М.В. Теории европейской интеграции // Вестн. Моск. ун-та. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – М.: Изд. МГУ, 2009, № 1. – С. 28 - 45
29. Тишков, В.А. О нации и национализме. Poleмические заметки / В.А. Тишков // Свободная мысль. - 1996. - №3. - С. 35.
30. Фадеева Т.М. Европейский союз и Российская федерация: две модели федерализма АО / РАН. ИНИОН. Отд. отеч. и зарубеж. истории. – М., 2007. – 102 с.
31. Фаритов, В.Т. Трансгрессия, граница и метафизика в учении Г.В.Ф. Гегеля / Фаритов В.Т. // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – №360. – С. 48. (48-52)
32. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – С. 206-207.
33. Хабермас, Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства / Ю. Хабермас // Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; Пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. — М.: Праксис, 2002. — С. 368.
34. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 19.
35. Хожемпо В.В. Региональная интеграция: может ли она быть альтернативой глобализации // Вестник РУДН, серия Международные отношения, М.: Изд. РУДН – 2008, № 2 – С.47-53
36. Шавлохова, Е.С. Проблема независимости в контексте теоретического осмысления понятия "национальное государство" / Е.С. Шавлохова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. - 2008. - № 12(81): Общественные и гуманитарные науки (философия, история, социология, политология, языкознание, литературоведение, экономика, право, культурология, педагогика, психология, методика обучения). - С. 134.

37. Шишков, Ю.В. ЕС как стимулятор интеграционных процессов в других регионах мира / Ю.В. Шишков // Материалы конференции «40 лет Римским договорам: Европейская интеграция и Россия» - 1997. – Режим доступа: <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/shishkov.html>
[кэшированная версия страницы по состоянию на 7 сентября 2013 года]
38. Янжинов, С.А. Национальное государство как политико-правовая категория / С. А. Янжинов // Философия права. - 2009. - № 2. - С. 61.